

Искорка

Шесть километров плёнки

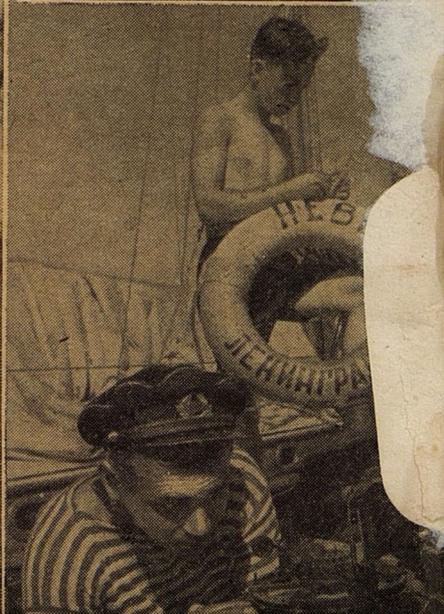
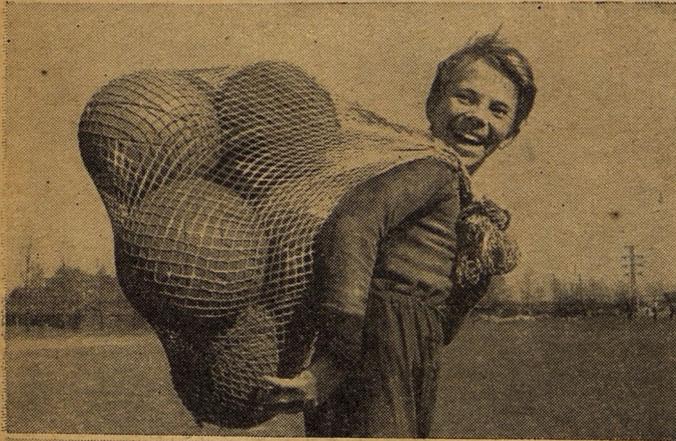
В ШКОЛАХ, в домах пионеров, в пионерских герях его встречают с улыбкой:

— Дядя Гоша приехал!

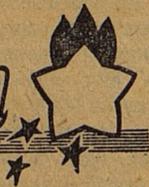
Он тоже всегда с улыбкой. С юннатами он жет побеседовать о кукурузе и гладиолусах, с культурниками — о режиме тренировок Валерия меля, а с юными техниками, ну, хоть о том, как вратить обыкновенный «Москвич» в гоночную мащ Говорит, а сам всё поглядывает вокруг, словно чищет. В нужный момент вскинет к глазам фотоапп щёлкнет затвором.

Один кадр — это всего 36 миллиметров фотопл Но если сложить все кадры, снятые Г. Ф. Сафоно то лента их растянется на шесть километров. Эт просто километры фотоплёнки. Это труд и о славной ленинградской пионерии, её радости и о чения, её интересы и раздумья.

На страницах обложки журнала мы помещаем с ки из архива фотокорреспондента Г. Ф. Сафонова

Искорка

Ежемесячное приложение к газете пионеров и школьников «Ленинские искры» — орган Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ, Ленинградского Совета пионерской организации имени В. И. Ленина

Г. Тумаринсон

Уходит поезд в лето!

Во всех концах перрона
Весёлый шум и гам,
У каждого вагона
Не счесть сегодня мам.

Ребята едут в лагерь —
Просторы ждут ребят!
Как маленькие флаги,
Их галстуки горят.

А мамы шепчут кротко:
— Умей себя вести.
Смотри, зубную щетку
Не потеряй в пути.

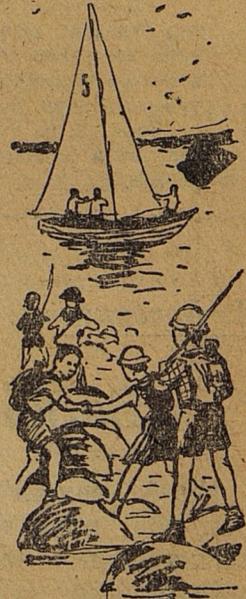
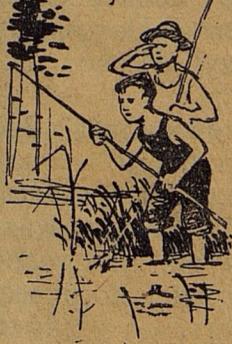
А папы — папы просто,
Нотаций не любя:
— Сергей, ты парень взрослый,
Надеюсь на тебя.

Платформа справа где-то
Уже плывёт назад,
Увозит поезд в лето
Задорный смех ребят.

Сверкает даль рекою.
Гудит металл мостов.
И семафор рукою
Им сделал: «Будь готов!»

Рис. А. Курушина

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА
ГОР. САРАТОВ

288082

05
И 8

ил

★ **АЛЕКСАНДР** Александрович Воронков — журналист, собственный корреспондент газеты «Пионерская правда». Не раз выезжал он в командировки в самые отдаленные края нашей страны. Не так давно А. Воронков вернулся из очередной поездки по северу. Впервые довелось ему побывать в тундре весной, когда круглые сутки не заходит солнце, когда разливаются реки, просыпается от зимней спячки земля. Просыпается, как сказочная красавица!.. Вот раскрыла к небу голубые глаза-озера, зарделась смуглым румянцем красновато-бурого ягеля, вплела в носы синие ленты протоков.

А какие красивые люди живут на севере — суровые, мужественные.

На берегу Печорской губы А. Воронков провёл несколько недель. Там он близко познакомился ещё с одним народом: шаловливым и упрямым, смелым и трудолюбивым — с маленькими хозяевами севера — ребятами. Вместе с отцами и матерями они пасут в тундре оленей, ловят рыбу. Не каждый выдерживает суровые испытания тундры и моря. Бывает и так, что...

★ Впрочем, не будем забегать вперёд. Эту историю с двумя мальчишками — Вальком и Конькой — пусть уж расскажет сам Александр Александрович Воронков.

А. Воронков

Рисунки Ю. Шабанова

Валёк встречается с морем

Валёк бежал по берегу до тех пор, пока последняя рыбацья лодка не скрылась за песчаной косой. Тогда он остановился, сдёрнул с головы кепку, облизал пересохшие губы. Под ложечкой что-то защемило, знойным зудом отдалось на спине. Уехали! И Конька уехал... А Валёк остался... Его просто не заметили в этой суете, спешке, будто он примелькавшийся на берегу камень.

Чем больше вспоминал Валёк, тем горше становилось у него на душе. Припоминалось самое обидное. На днях Нюрка во время ссоры сгоряча

обозвала его Коротышкой, хотя настоящая фамилия Валька — Коротков. А Конька, встретив его после этого, остановил, сочувственно потрепал по плечу:

— Не горюй! Я тоже до тринадцати годов мелкорослым был. Не помнишь? Потом как налёг на кашу! И вот видишь!..

Что они — сговорились? Всё о росте да о слабости.

Правда, были и светлые минуты в жизни Валька. Както заметил он, что голос вроде стал погуще, поглубже. Вальку радость, а мамка встревожилась, закутала гор-

до своим платком да ещё отругала невесть за что:

— Говорила, идол, не ешь сосульки. Вот и майся теперь с тобой.

Мужской басок быстро растаял, как до этого таяли сосульки во рту. Да что вспоминать! С Конькой ему всё равно не тягаться. Вон вымахал какой! Высокий, плечи широкие, налитые. О ловкости и говорить нечего. Получше обезьяны вскарабкается на мачту, на одних руках соскользнёт по канату вниз. Зато он и полюбился бригадиру рыбаков дяде Федору, — взял с собой на путину. Подумав о бригадире, Валёк вдруг крепко хватил себя кулаком по лбу.

— Совсем забыл! Ведь дядя Федя перед отплытием кричал с лодки про сети: «Передай матери, чтоб сети не задерживала!» — Обида чуть отступила, притихла: всё-таки и Валёк в последнюю минуту понадобился. Он поплотнее натянул кепку на голову, ещё раз глянул на воду и торопливо зашагал к дому.

— Проводил? — мать понимающе поглядела на сына.

Когда-то тётка Варвара тоже ходила на путину, а потом застудила ноги — «списалась на берег». Но море, шальные ветры, запах рыбы не отпускали от промысла, не давали покоя. Её за-

зывали на завод, где перерабатывают рыбу, солят, однако она отказалась, осталась на берегу в своём ветхом сарайчике. Здесь сортируют белорыбицу, пересыпают её снегом, ледяной крошкой. Когда по весне из города Нарьян-Мара, где находится сетевязальная артель, привозили новые сети, мать как-то светлела лицом, молодела. Наверно, поделись ей те деньки, когда сама ходила в море, стояла под солёными брызгами.

Эта весна началась для рыбаков неудачливо, ждали новые снасти, а их всё не привозили. Пришлось уходить на путину с прохудившимися сетями.

На берегу стало пустынно и скучно. По мокрому песку бегали вёрткие, суетливые трясогузки, кулики. Даже полузатопленной барже, казалось, надоело глядеть на эту скуку, и она скрылась под водой.

Валёк слонялся по берегу, томясь от безделья. Нестерпимо хотелось в море. Он его видел во сне, наяву, ждал чуда, верил в него. Но чуда никакого не было, а приехали два чудных дядьки. Их привёз из города глуховатый дед Никанор.

— Кино ладят у нас снимать, — объяснил старик.

Ребятня со всех сторон облепила гостей, бойко выпра-

шивая, кого будут фотографировать.

— Самого шустрого, — отшучивался высокий дядя в клетчатом пальто, — кто сбегает за председателем...

— Вы насчёт ночлега? — протиснулся Валёк. — Пойдёмте к нам, места много... Вся чистая половина.

— Некогда ночевать, браток, некогда, торопимся на пугину, к вашим рыбакам.

— Снимать будете, да? — заволновался Валёк и вытер рукавом сразу вспотевший кончик носа. — И Коньку будете?

— И Коньку, — машинально отозвался мужчина, беспокойно поглядев на часы, — всех, браток, буду... А что?

Кто-то хихикнул за спиной, и Валёк обидчиво отошёл в сторону.

...Снасти привезли только через полтора месяца. Дали знать дяде Фёдору, а тем временем тётка Варвара с сыном и девчонками спешно навязывала поплавки, груз к сетям. А потом она заболела... Валёк остался один на один с девчонками, этим строптивым, ненадёжным народом. Чуть что, обижаются, бегут жаловаться. Тьфу!

В один из дней, когда Валёк воевал со своей командой, к берегу пристала лодка. На песок легко выпрыгнул Конька. Он был весь коричневый от загара, на шее удавкой болталась яркая косынка. (Эту косынку Валёк видел у дядьки в клетчатом пальто.) Покачиваясь, вразвалку он подошёл

к развешанным сетям, встряхнул спутанными вихрами.

— Салют труженикам суши! Как работаете?

— Конька! — радостно заморгал глазами Валёк. — Ты откуда?

— От царя Нептуна, — усмехнулся тот, оглядывая команду Валька. — А нам передавали, что снасти уже готовы.

— Мамка заболела... Ты не бойся, к вечеру закончим.

— Что-о? — вскинулся угрожающе Конька.

Валёк нагнул голову, почесал ногу об ногу, виновато пробормотал:

— Честное слово... к вечеру...

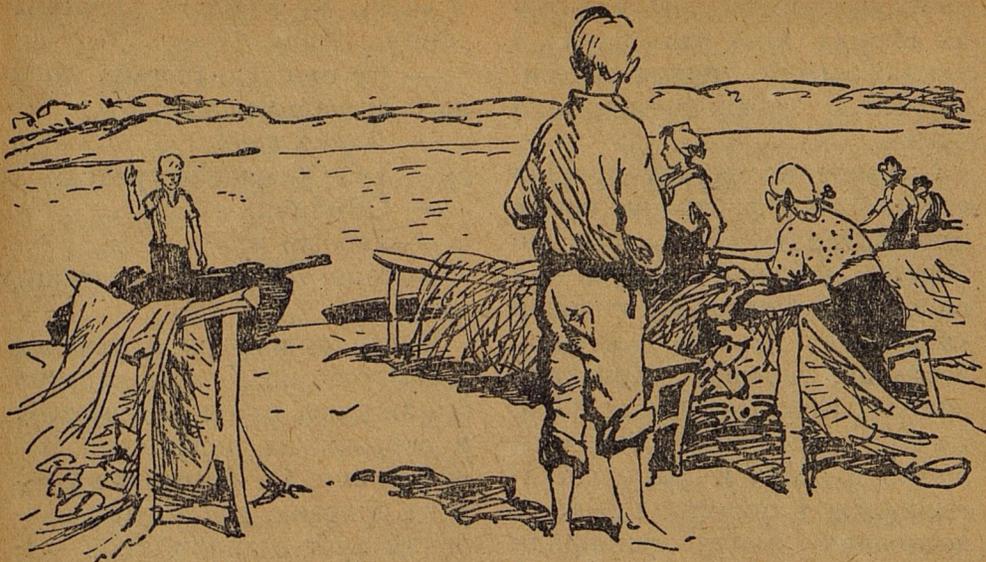
— К ве-че-ру, — передразнил Конька, — обрадовал! Рыба тебя будет ждать? Да? — Он зло сплюнул и с размаху ударил ногой по какой-то ржавой банке. Конька не врал. Густые косяки рыбы шли на нерест. Даже всегда спокойный дядя Фёдор стал в последнее время раздражительным, угрюмым. Щетинистые щёки, заляпанные солнечными ожогами-лишайми, провалились, губы от сухоты почернели.

Отправляя Коньку за сетями, он жёстким голосом наказывал:

— Только не мешкай, парень. На тебя вся надежда, потому как проворство твоё знаю.

И вот обрадовали!..

— Подумаешь, в кино сняли, так он расходился, — заверещали вразной девчонки,

неожиданно встав на защиту Валька.

— В каком кино? А-а...

— Передвижка приехала, — заторопился Валёк, — кино про вас вечером показывать будут. Про тебя тоже. Афиша висит, всякие фотографии.

— Быстро они, — сдержанно похвалил Конька, хотя губы его так и запрыгали от удовольствия, широко растянулись, — ох, я им и выделявал. Просто умора. Фотографии, говоришь? Не врёшь?

Конька так дёрнул за концы косынки, что на шее вспухла жилка, и куда-то заторопился:

— Я сейчас... Смотрите, чтоб!..

— На-пугал! — прыснули девчонки.

Конька взбежал на бугор, оглянулся и припустил к деревне, мелькая меж кустов своей яркой косынкой.

Валёк, позабыв про сети,

про груз, поплавки, стоял рас-терянный, взбудораженный. Словхотился, погрозил девчонкам кулаком...

В этот день он так допёк свою бригаду, что одна из девчонок, Нюрка, не вытерпела, расхныкалась и побежала ябедничать тётке Варваре.

Зато, когда пришёл Конька, сети тугими скатками лежали в лодке. Валёк, прислонившись к борту, плескал воду на лицо. Перед глазами всё ещё плавались, сверкали, лопались стеклянные шары-поплавки.

Конька был какой-то замкнутый, осунувшийся. Не замечая Валька, он крепко схватился за весло, оттолкнулся... Лодка, завияя кормой, скрылась за ближней косой.

Валёк покачиваясь, двинулся в гору.

Около колхозного клуба он приостановился ещё раз у афиши: эх, и везёт же Коньке!

Пошарил по карманам — ни

копейки. Хорошо, что выручила Нюрка. Она зло сунула в руку своего бригадира двугривенный и, отбежав, показала язык.

Сначала по экрану прошла вся рыбацья флотилия, потом море превратилось в косматую бороду Фёдора, паруса — в лицо. Над Федоровой головой качнулись чьи-то ступни, всплыло мокрое Конькино лицо, оттопыренные уши. Конька дразняще поглядел прямо в глаза Валька и бултыхнулся в волны. Где-то в последних рядах запищали девчонки, крикнул глуховатый дед Никанор. Голос диктора всех успокоил: «Сейчас смельчак Конька с такой отвагой кидается в море, а пройдут годы, и кто знает, может быть, этот мальчишка поведёт космические корабли к дальним мирам...» Валёк даже привстал от зависти. Вот так Конька, как о нём говорят. Дух перехватывает...

Журнал закончился, началась кинокартина. Но Валёк не мог дальше высидеть, сожжённая кожа зудела, будто её натёрли речным песком. Пригибаясь, он выскочил на улицу, глубоко вздохнул. От забора, где висела афиша, метнулась тёмная фигура, затаилась возле дерева.

— Конька! Ты?

— А-а, Валёк? Вот напугал! Думал, председатель.

— Ты почему не уехал? — подскочил Валёк. И оторопел. Конька крутил в руках хрустящую афишу, пачку фотографий.

— Ты же говорил... Нас तो рошил... Дядя Федя...

— Не ори! По-твоему, уж и на себя нельзя поглядеть.

— Лодка где?

— Там, у зелёной протоки.

— Обманул?

— Тебе-то что?

— Мне? Сейчас узнаешь, что...

Валёк пригнулся и кинулся в темноту, но Конька схватил его за руку, оттолкнул от себя и скрылся за деревьями. Валёк за ним. Остановились у берега протока, где торчал одинокий куст с обломанной веткой. Лодки не было.

— Украли! — вырвалось у Коньки. — Я... я...

— А может, её водой унесло?

Конька вдруг обмяк, опустился на камень.

— Бежим! — крикнул Валёк. — Успеем догнать!

— А если украли?

— Всё равно догоним.

Они, спотыкаясь, падая, метались по берегу, шарили по кустам, заглядывали в заводи, под обрывы.

— Конька, погоди, — взмолился обессиленный Валёк, споткнувшись о кочку. — Погоди!..

Тот нагнулся над Вальком, но тут же, махнув рукой, зло процедил:

— Слабак! Ступай домой. Я один...

Он скрылся в прибрежных зарослях, Валёк долго слышал, как трещали ветки, чавкала под ногами земля. Потом всё стихло. Валёк поглядел на

реку: вода была чёрная, тяжёлая и, казалось, дышала.

«А вдруг лодку на ту сторону угнало? — испуганно поёжился он, — попробуй — достань. Куда теперь? Домой? А дядя Федя?..»

Валёк вскочил на ноги, побежал по прибрежному песку, перепрыгивая через выкинутые водой топляки.

Догонять дальше Коньку бесполезно. Если тот поймал лодку, то не будет дожидаться Валька. А если...

«Надо позвать на подмогу, — промелькнуло в голове, — на моторке искать».

Валёк повернул назад, но, заметив, что сбился со старой тропы, остановился, огляделся и замер. Далеко, посреди реки, вода вертела какой-то предмет: узкий, длинный. Валёк в один прыжок смахнул с угора к воде, не спуская глаз с реки, остановился. Сдёрнул с себя рубаху, штаны. И как-то неловко, боком, упал в воду, зачистил

руками. Теперь он уже ясно разглядел: перед ним была лодка. Валёк с разгона стукнулся об её нос, ухватился за цепь, подтянулся. Весла лежали, подsunутые под сеть. Уключины были спрятаны под сиденьем на корме. Мальчик развернул лодку к берегу, туда где оставил одежду.

Через час он уже

плыл по течению, размеренно подминая вёслами воду.

— Конь-ка! Конь-ка-а! — несло над рекой до самого утра, но откликались только унылые кулики да плеск воды за бортами.

К обеду другого дня Валёк увидел море, с застывшими в воде лёгкими облаками, неясным гомоном птиц... Мальчик зачерпнул полную пригоршню воды, жадно глотнул. Приподнял голову и вскрикнул — вдали маячила шхуна под парусом. Она медленно входила в бухту.

— Дядя Федя!!

С кормы шхуны ему махали пиджаком, и Валёк сразу узнал бригадира. «Как же я... — испугался мальчик, — без Коньки - то? Где он? Неужели всё ищет?»

— Э-э, гей! — замахали теперь с берега. — Сюда-а!

— Е-ду-у! — отозвался Валёк, забирая правым веслом.

— Что стряслось? — наступил брови дядя Фёдор, вытаскивая на песок лодку. — Где Конька?

— Попросил меня... слёг...

— Эк, напасть. А мы тут глаза проглядели. Ну, давай руку. — Фёдор подал жёсткую, как наждак, ладонь, выдернул мальчика из лодки.

— Проголодался?

— Не... Я...

Валёк чуть не проговорился, что воспользовался Конькиными запасами, но вовремя прикусил язык.

По берегу холмами тянулись земляные шалаши, и Валёк сразу заполз в самый большой, бригадирский. В нём было душновато, пахло вялым листом, рыбой. Сон навалился мгновенно, как будто все звуки, шорохи придавило тяжёлым камнем.

Проснулся он тоже неожиданно и долго не шевелился, соображая, где находится. По стене шалаша полз красноватый отсвет, тянуло лиственным духовитым дымом. Валёк взглянул наружу. Метрах в пяти потрескивал костёр, облепленный рыбаками. Среди них стоял Конька. Валёк протёр глаза, придержал дыхание.

— Та-ак... Значит, тётка Варвара заболела, Валёк заленился, — протянул Фёдор, — сетка не готова... Оставил лодку... Хм... Ловко, шельма...

А мы ведь думали, что это ты захворал.

— Я... Я здоров, — хрипло выдавил Конька и неожиданно оживился, — чуть не забыл! В посёлке кино про нас показывают. Здорово! И ты, дядя Фёдор, есть...

Конька торопливо полез за пазуху, достал помятую афишу, принялся её разворачивать. На землю упали фотографии. Рыбаки подбирали их, рассматривали.

— Так тут всё ты, Конька, — хмыкнул молоденький парнишка.

— А ну-ка! — протянул руку дядя Фёдор.

Фотографии послушно перешли бригадиру. Он сложил их, как игральные карты, и, медленно разорвав, бросил в огонь. Пламя лизнуло краешек бумаги, перебросилось на другой и ярко осветило лица людей, Конькину сжавшуюся фигуру.

— Ладно, иди спать, разговор будет завтра.

— Так я же...

— Иди, говорю, спать. Ребята, одолжите ему кусок хлеба.

Кто-то сунул в Конькины руки ломоть, но он выпал на землю. Конька отошёл от костра в тень, остановился у шалаша Фёдора. Валёк видел только его ноги, исцарапанные, грязные. Потом Конька пролез в шалаш и, наткнувшись рукой на Вальку, тихонько вскрикнул:

— Кто здесь? Валёк? Ты? С лодкой?

Валёк молчал.

— А ну, угомонись! — гаркнул снаружи голос дяди Фёди. — Нашкодил, а теперь...

Утром шхуны уходили в море. Когда Валёк проснулся, в шалаше никого уже не было. Дядя Фёдор возился с сетями, Конька стоял по пояс в воде, вяло мылся.

Валёк подошёл к бригадиру.

— Дядя Федя, я пошёл, — сказал он.

— Погоди, Валёк. Погоди.

Бригадир отвёз сети на шхуну, скоро возвратился:

— Ну, Валёк, садись, поехали!

— А я? — метнулся Конька, вытаращив испуганные глаза. Весло замерло в руках Фёдора.

— Ты? Ступай домой. Доматривай картину. Передай Варваре, что Валёк со мной. А своему отцу скажи, чтоб выпорол...

А. Шibaев

Хороший день

*До чего хорош денёк:
Вет лёгкий ветерок,
Солнца летнего лучи
Так приятно горячи!*

*И не надо
Ни сапог,
Ни рубахи,
Ни чулок,
Ни тужурки,
Ни галош...*

До чего денёк хорош!

Н. Егоров

Ручей

*Потихонечку журча,
Убежал я от ключа.
Я по камешкам бегу,
Нажурчатся не могу.
Наиграюсь, нажурчусь —
В речку тихую вольюсь.*

КАК СТРОИЛИ ДОМ

Это так обидно, когда игра разваливается, а тебе ещё очень хочется играть. Тебе только что повезло: ты удачно бросил ножик и отрезал себе большой кусок в круге, и тут Ярька уходит в тень, стоит там равнодушный и посмеивается над тобой. Ты можешь разорваться пополам, упрекая его, можешь задохнуться от несправедливости, можешь начать заикаться от бессилия — только Ярьку этим не проймёшь. Вот не хочет он больше играть — и всё тут!

Ишка смотрит на нас с испугом и молчит. А Ярька говорит:

— Мура... детские игрушки!

Играл, играл — и вдруг бросил. Вдруг — детские игрушки.

Ярька всегда такой: понравится ему что-нибудь, он заторопится, начнёт делать, и вдруг — остыл, бросил, надоело.

Вот только дразнить меня ему никогда не надоедало. Он мне давал десять прозвищ за один день. Он из всего умел сделать прозвище: из моего имени, фамилии — из всего. Учили мы про Деникина, а моя фамилия — Аникин, сразу Ярька завопил:

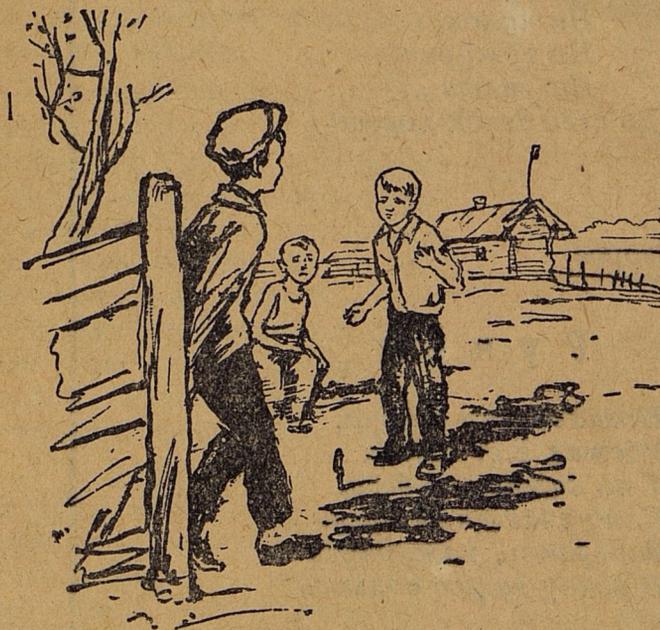
— Это ты — Деникин, а не Аникин. Деникин, Деникин!

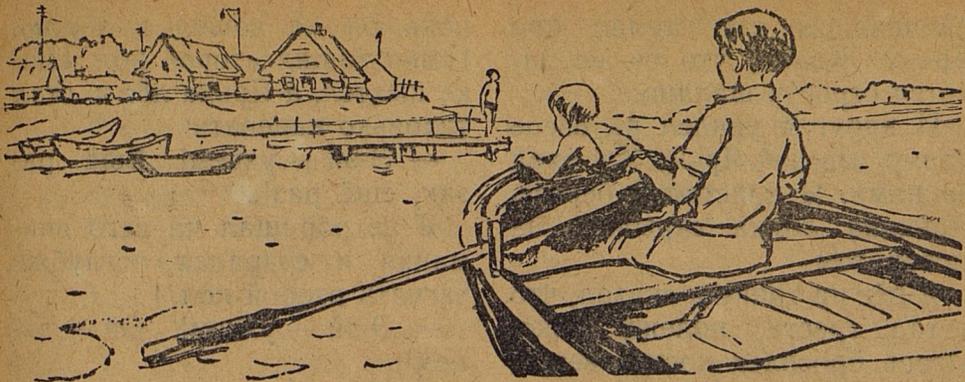
Приду я в лыжном костюме, Ярька посмотрит на меня — и готово:

— Мишка, ты до чего толстый, прямо Мясокомбинат...

А потом для скорости зовёт меня просто — «Мясо».

А я его всё равно любил, сам не знаю за что. Я даже просил маму снять дачу в той же деревне, где жил Ярька. Мы теперь целые дни вместе. И зачем мне понадоби-

лось — жить вместе! Так бы мы с Ишкой могли спокойно ездить на велосипедах в лес, читать книгу Оскара Хейнрота «Жизнь птиц», собирать чернику. А с Ярькой всё получается неладно. Хейнрота он прочёл в одну ночь и цитировал нам его наизусть, велосипеда у него не было, и он заявил, что в лес ездить незачем, надо ходить туда пешком, собирать чернику он тоже не желал. Ишка любил ловить на озере жуков-плавунцов, ручейников, Ярька его высмеивал. Один раз Ишка набрал беззубок-ракушек и раскрывал их, старался считать с их створок внутренности. Ярька увидел и сказал:

— Ишка, тебе присваивается звание Потрошителя беззубок. Мясо, кричи ура...

Игорь был терпеливый парень, мама его никогда не ругала. Она всегда ходила за ним, и если его с нами не было, то пугалась, что Ишка пропал, потерялся, утонул. А Ишка сидел себе на берегу озера.

И вот теперь, когда Ярька бросил играть в ножики, Игорь, боявшийся наших ссор, сказал робко:

— Ну... давайте строить шалаш!

— Давайте играть в куличики! — передразнил его Ярька.

...Мы решили строить шалаш одни, с Ишкой. Пускай у нас будет дурацкий шалаш, как у маленьких, пускай мне даже не очень нужен шалаш, но я дал слово Ишке, и утром мы поехали.

Я грёб, а Ишка сидел на корме, вернее, лежал на ней животом и делал руками буруны, тархтел, как мотор: он представлял себе, что мы едем на катере.

Мы уже отъехали метров триста, когда я увидел Ярьку. Он стоял на мостках с полотенцем через плечо и смотрел нам вслед.

Потом он разбежался и прыгнул в воду. Прыжок у него вышел хорошо. Он поплыл баттерфляем, догнал нас, но тут же повернул от лодки к берегу.

Мы долго плавали по озеру. Пристали к одному берегу, место нам не понравилось, и мы поплыли дальше, въехали в речку.

Игорь рвал камышины, лилии, что-то болтал. Я ему под-

дакивал, а сам думал про Ярьку. Жалко, что он не захотел строить шалаш.

И вдруг я увидел на озере лодку, а в ней Ярьку. Он ехал за нами. Я пристал к берегу. Яркина лодка скрылась за поворотом.

Я лёг на траву и сказал, что устал грести, полежу пока. Игорь бросился носить ветки. Я слышал, как Ишка пыхтит, но мне лень было вставать.

— Ну вот, смотри, сколько я принёс! — сказал наконец он.

— Ага, — сказал я.

— Давай теперь втыкать колья.

— Ага, — сказал я и продолжал лежать.

— Мы вот так, косо поставим три кола, да?

— Зачем косо? — спросил я, не открывая глаз.

— Как у всех шалашей!

— А у всех — косо разве?

— Косо... — грустно вздохнул Ишка, — ты что, совсем расхотел строить шалаш?

Ишка сел и стал глядеть на меня. Я должен был делать шалаш. Иначе получалось бы, как Ярька — то согласен играть, то надоело.

Я поднялся и пошёл к шалашу. Ишка вскочил и зашептался:

— Вот-вот... смотри. Вот так косо... А?

— Ну давай косо.

Я стал вколачивать кол. Ишка его придерживал. Кол не вбивался.

— Ярик идёт! — шепнул Ишка.

Я не оглянулся, а стал только изо всех сил бить по колу,

пока он не вошёл в землю. Ишка тащил второй кол. Ишка пыхтел, а Ярька лёг и стал тихонько напевать:

— Э-эй — ухнем! Ещё разик, ещё раз!..

Я не обращал на него внимания и старался поглубже загнать второй кол.

— Э-эй — ухнем! Ой — ахнем!..

— Давай держи крепче, ну! — кричал я Ишке.

— Жми, дави его! Ох — ахнем!

Я больше не мог колотить кол, бросил всё и ушёл на берег. Ишка подошёл ко мне и стал уговаривать. Я не отвечал. Тогда Игорь начал реветь. Так тоненько-тоненько. Пищал комаром. А потом он подбежал к Ярьке и закричал:

— Ярик, уйди! Ну уходи!.. Мы без тебя бы строили. Или... помоги нам, ну пожалуйста!

— Чего ты его упрашиваешь! Перестань унижаться! Ничего он не будет делать, — сказал я.

— А вот назло тебе буду делать! — вскочил Ярька. — И не шалаш — дом буду делать! Ну для чего вам шалаш? Вы это подумали? Что вы — рыболовы? А дом — настоящий, с дверями, с окнами. Камышом оплетём, будет бунгало, знаешь, какое бывает бунгало?

Я не знал, издевается Ярька или нет, но он, видно, не издевался. Он в самом деле подошёл и вырвал мой кол.

— Кому нужна такая халтура? Кол должен стоять прямо... Четыре кола. Столько

здесь материала натащили... Молоток нужен, топор, гвозди. Есть у кого?

— У меня есть! Весь набор для столярных работ есть, — захлебывался Ишка.

— Так привезти надо! Ку-стари вы! Шалашники.

Ярька влез на камень, взял в руки другой и стал бить по колу. Он бил сильно, размеренно. Ишка вздрагивал от этих ударов — он держал кол, и удар передавался ему.

— Чего стоишь? — не отрываясь от работы, закричал мне Ярька. — Поезжай за топором, за молотком...

— У мамы там спрости, в чемоданчике, — оглянулся Ишка.

Я пошёл к лодке, привез инструменты и еду — Ишкина мама послала. Четыре кола стояли по углам дома. Плотно стояли колы — камнями обложены, землёй присыпаны.

Я понял, что Ярька увлёкся домом. Он схватил лопату и прочертил борозды будущей стены. Мы забыли про еду, которую я привёз, и колотили, держали, таскали всякие палки и валежины, обчищали их,

острили концы, приколачивали...

Уже были готовы поперечины, которые скрепляли колья. Теперь мы должны были набить мелкие палки между ними, а потом оплести камышом.

Ярька прибил доску к двери, бросил молоток и спросил:

— Харч есть, шалашники?..

Мы легли на траву возле дома и стали жевать. Ярька жевал, смотрел на дом и вдруг сказал:

— Надо всё залепить глиной, оштукатурить... Понимаете? — Он вскочил. — Вот всё это оплетём камышом, а потом с двух сторон — глиной, — он помчался к берегу и стал рвать камышины, чуть не поскользнулся, удержался, прибежал обратно и стал плести.

— Видите... видите?

Мы тоже стали плести, рвать камыши, плести. Это была такая идея! Просто чудо. Дом будет оштукатуренным!

Стало очень плохо видно, куда просовывать камыши. Тогда только я заметил, что стемнело.

Утром меня будто кто-то потрянул. Я проснулся. Хотел бежать к Ярьке, а он тут уже, под окном:

— Едем?

— Едем.

— За Ишкой сходи, пусть шурупы найдёт, я отвёртку прихватил.

Я помчался к Ишке. Молча мы сели в лодку, молча стали грести. Дом тянул нас. Я просто не представлял себе, как это мы могли до сих пор жить без дома? Сидели, ничего не

— Ишка, у тебя есть алмаз?

— Нет... Я попрошу маму, она съездит в город...

делали, в ножички играли, скучали, ругались. Как мы только могли?!

Теперь мы суетились, возились, ездили на лодке туда и сюда, возили найденные доски, сразу же приколачивали их, обмазывали глиной, любовались — как здорово получается!

Ярька всё фантазировал:

— Надо достать алмаз или стеклорез... В сарае старые стёкла валяются.

Мы нашли целую дверь. Гнилую, старую дверь. Она была вдвое больше нашего дома. Мы с Ишкой хотели её просто распилить, но Ярька заорал на нас:

— Опять ляпать! Расколачивайте!

Мы расколотили дверь так, что поперечные доски, на которых держались остальные, только ниже спустились, а дверь была как раньше. И петли и всё.

Пять дней нас никто не видел в деревне. Пять дней мы валялись спать в полной тем-

ноте и ехали к дому, когда рыбаки выезжали на озеро. Мы даже забывали купаться. Ярька звал нас кустарями, сачками, а мы только хохотали.

И вот на шестой день наш дом был готов. Мы его ещё с вечера кончили, даже стёкла протёрли бумагой, но утром опять поехали.

Игорь бегал вокруг дома, собирал щепки, откидывал камни, носил песок и посыпал им дорожку к дому. Ярька растянулся на траве и зевнул. Потом он поглядел на меня искоса и сказал:

— Мясо, а ты похудел, пока строил. Тебе надо всегда строить дома, тебе это идёт.

— И тебе идет строить дома! — сказал я. — Ты хоть к людям не привязываешься.

— Ещё ругается, — усмехнулся он.

Меня взорвало:

— Ну чего ты усмехаешься? Чего?

— А ничего... Захочу и сломаю дом за один момент. Захочу и сломаю. — И он поднялся с травы.

Я похолодел, когда увидел, что он берёт в руки большой кол, но, пока я вставал, пока думал, что делать, Ишка подбежал к Ярьке со щепкой в руках и завизжал, как резаный:

— Не дам! Не дам ломать, не смеешь!! — Он замахнулся щепкой.

Ярька перехватил его руку и сжал её. Щепка вывалилась у Ишки из рук, и Игорь взвыл. заревел, вырвал руку.

Ярька бросил кол и сел на траву.

Мы ушли с Игорем в дом.

— Давай сделаем стол и скамейку, — предложил я Ишке.

— Давай, давай! — сразу отозвался он. — Вот здесь доска осталась, её распилить и сколотить, верно?

Мы вышли из дома и стали пилить доску. Доска была трухлявая и пилилась легко. Ярик сидел к нам спиной. Потом он обернулся и сказал:

— Чего из этой рухляди получится? Чего вы её пилите?

— Пилим, и всё! — сказал я.

— Ну и... — он запнулся. Хотел, видно, нас как-то обозвать, но запнулся, — ну и зря! Перед школой валяются обрезки новых досок. Попросить, так дадут, сделаем стол настоящий, острогаем его...

Я перестал пилить. Игорь посмотрел на меня и спросил тихо:

— Сбегать?

Я подумал-подумал и кивнул ему.

Мы посмотрели с Ярькой друг на друга и стали хохотать. Я хохотал потому, что знал: Ярьке от настоящего дела не так-то легко отвернуться. А он смеялся, не знаю почему, может, сам над собой?

Я знал, что он сейчас будет как сумасшедший пилить и строгать, нас загоняет и сам будет в поту и тогда мы ничем не поссоримся.

ПЕРВАЯ КНИЖКА!.. Для поэта — это очень радостное событие. И мы тоже очень порадовались успеху Семёна Абрамовича Когана, когда почта доставила нам однажды объёмистый конверт. Мы его распечатали и... вынули «Жирафу на контрольной». Очень весёлой оказалась эта «Жирафа»: стихи, которые вошли в первую книжку поэта, полны озорного задора, хорошего смеха, самых невероятных происшествий. Многие из них знакомы и вам: до того как попасть в книжку, они печатались в журнале «Пионер», у нас в «Ленинских искрах» и в «Искорке».

Нам захотелось узнать, над чем поэт работает сейчас. Оказалось — над новой книжкой: о пионерском лете.

С. А. Коган живёт в городе Донецке. Работает он инженером-технологом в проектно-конструкторском бюро. А когда заканчивается рабочий день, откладываются

в сторону чертежи и инженер становится поэтом.

Сегодня мы публикуем несколько новых стихов и переводов С. А. Когана.

Семён Коган

Рисунки А. Курушина

Пионерское лето

Голубые рассветы,
Вечера у костра.
Пионерское лето —
Золотая пора!
Голосистые горны
Нас зовут за собой —
То тропинкою горной,
То дорогой лесной.
Рюкзаки за плечами...
Если трудно идти,
Может, станет вначале —
Друг поможет в пути.
На вершину взобраться
Сам не сможешь никак;

Если за руки взяться —
Это сущий пустяк.
И со шхуною сладить
Одному тяжело.
Друг и парус наладит,
Друг поможет веслом.
Если клюнула щука,
Сам тянуть не берись,
Но и после без друга
Есть уху не садись.
Голубые рассветы,
Вечера у костра.
Пионерское лето —
Золотая пора!

Если толком разобраться

Раздеваться лень Сережке,
А в одежде, как назло,
Всё замочки да застежки —
Бесконечное число.
Лень Сережке раздеваться,
Шепчет сонный: «Пустяки!
Ведь полярники ложатся

Спать одетыми в мешки,
Звери спят в своей одежде,
Птицы тоже —

в опереньи...»

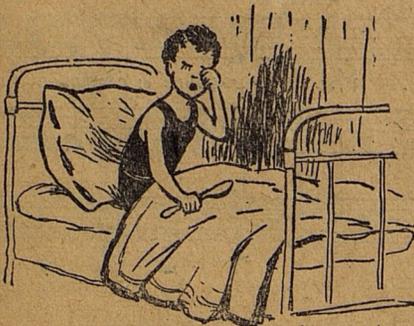
Тише, дети, спит Сережа,
Посмотрите, как похож он
На ленивого тюленя.

Костёр

Вот обжора
Так обжора, —
Посмотри,
Как сучья ест.
Он бы, верно, четверть бора
Мог бы съесть
В один присест.
Бор гудит,
Шумит в тревоге:
— Пощади,
Не ешь меня!
В небе месяц однорогий
Схоронился от огня.
А огонь ревёт свирепо:
— Угу-гу!!
Как разойдусь —
Доберусь тогда
До неба:
Каково оно на вкус?
Вот обжора
Так обжора,
И к тому ж
Хвостун какой!
Но ребята
После сбора
Пламя залили водой.
Он сначала рассердился,
Встрепенулся,
Как петух,
А потом,
Потом смирился —
И потух.

Грицко Бойко

Про Степана и сметану

Не повезло вчера Степану:
Всю ночь во сне видал сметану,
Да есть из кружки не решался,
А ложку взять не догадался.
Сегодня с ложкой лёг он рано —
Так не приснилась же сметана!

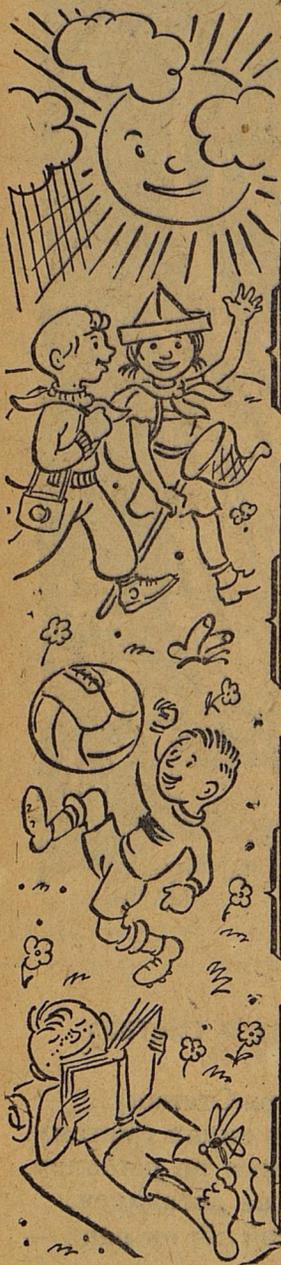
(Перевод с украинского С. Когана.)

Пионерская семья

Слова Д. Дубинина

Музыка А. Черногорова

В темпе марша.

Музыкальная партитура с вокальными линиями и фортепиано-аккомпанементом. Текст песни:

Бя та за ро ре лы е, и ты, и он, и
 я пи о нерская семья!
 1. 2. Летней я!
 Ты, и он, и я пи о нерская семья!

1. В нашем лагере ребята
 Отдыхают лучше всех!
 От зари и до заката
 Раздаётся, раздаётся звонкий

смех.

ПРИПЕВ:

Мы дружные и смелые,
 Ребята загорелые,
 И ты, и он, и я —
 Пионерская семья!

2. Летней ночью на привале
 У походного костра

Нам неведомые дали,
 Нам неведомые дали
 Часто снятся, часто снятся до
 утра.

ПРИПЕВ.

3. Чтобы в школе нам учиться
 На четыре и на пять,
 Надо летом научиться,
 Надо летом научиться
 На отлично, на отлично отдыхать.

ПРИПЕВ.

Это будет сюрприз

ЗАВТРА все походят с ума. Все будут тыкать пальцами в телевизор и говорить:

«Нет, вы только подумайте», или «Бывает же такое», или «Чей это необыкновенный мальчик?»

Не все ведь знают, чей. Всех охватит необыкновенное волнение.

Я, честно говоря, это очень подозреваю.

Будут показывать — меня!

ПЯТЬ ДНЕЙ назад я приехал в деревню к бабушке и дедушке. С папой и с мамой.

Ну, сначала вещи разобрали, устроились и сели пить чай. Бабушка и дедушка всё время протягивали руки через стол и гладили меня по голове. А я сидел, чай не пил, не ел ничего, болтал ногами и всё думал, когда же начнётся новая жизнь. Вот ведь глупо, уже приехал, а вроде и не приехал, просто сижу дома и ничего нового не делаю. А они долго чай пили, будто первый раз в жизни, смеялись чего-то и всё меня гладили. Совсем я извёлся.

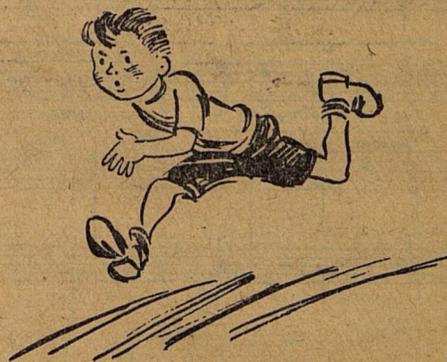
Я как угорелый из дома выскочил, когда они своим чаем напились. А кругом трава растёт, деревья, небо синее, жарища, красота, прелесть и простор. Я взял и... как побегу по дороге, просто так, изо всех

сил. Потом остановился и стал дышать: дых-дых, дых-дых.

И вдруг вижу: что-то в кустах желтеет. Ни на кого не похожее, что-то жёлтенькое. Жёлтоволосенькое и жёлтопузенькое. А что это — и не отгадать. Я взял камушек и бросил туда.

Жёлтенькое завертелось, затилитилькало, забумкало, забыхало и ка-ак выпрыгнет. А я ка-ак побегу. А жёлтенькое ка-ак припустит за мной, как заорет:

— Алёшка!

А я бегу.

А оно топочет и кричит:

— Алёшка! Не убегай!

Удивительно знакомый голос. Остановился я... Да ведь это же рыжий Тимка.

— Здорово, Алёшка! — закричал он.

— Привет, Тимка! — заорал я.

— Вот я рад, что ты приехал! — крикнул он.

— А я... не можешь себе представить! — кричу я.

— Ты куда бежишь так быстро? — спросил он.

— Да на речку купаться.

— Ну, бежим вместе.

И мы побежали. Бежим и беседуем.

— Я тебя ещё час назад в окно видел, — говорит Тимка.

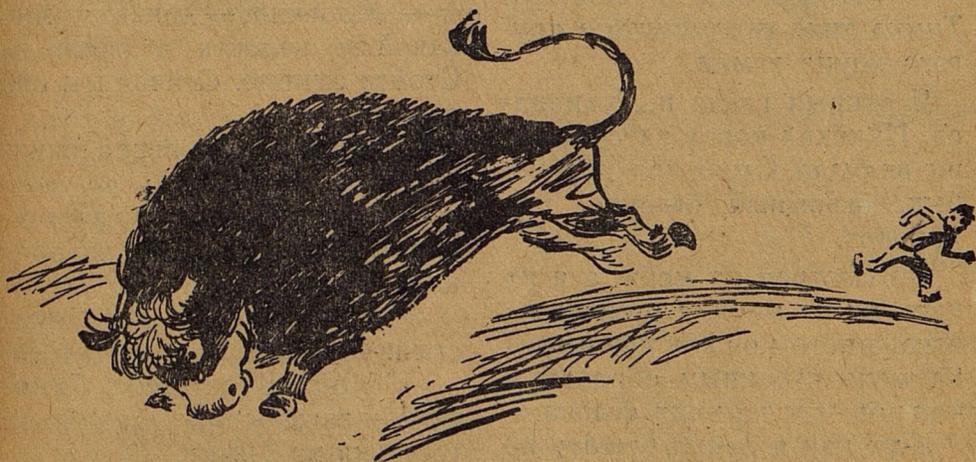
— Я своих устраивал, — говорю я.

рять чемоданчиком. А я его — драндулетиком. Потом мы спели песню. А потом Тимка сказал:

— Помнишь, кто такой Пушок? Бежим к нему!

— Бис! Bravo! — закричал я, потому что сразу всё вспомнил, и мы побежали.

Я бежал и думал про Пушка. Как же это я сразу про него не вспомнил, про этого телё-

— Чего твои тебя так по голове гладили? — спрашивает он.

— У меня прическа кривая, — сказал я.

— А ты чего в меня камень бросил?

— Я думал, это пень.

И мы прямо свалились в речку.

Сначала мы плавали. Потом кувыркались в воде. Потом топились и спасались. Потом я прыгнул с нырялки солдатиком. Потом просто так. Потом бочком. Потом опять просто так. Потом рыбкой. Потом самолётиком. Реактивненьким. Потом Тимка научил меня ны-

ночка, про маленького бычка? Мы с ним в прошлом году здорово подружились. Он за мной как ручной ходил. Целыми днями. Он, наверное, подросток теперь и меня не помнит.

— Вон, — сказал Тимка на бегу. — Видишь дом с красной крышей? Это новая удоеэлектричница. Там коров доят.

— Эх ты, Тима, — сказал я. — Надо говорить электроудойтельница.

— Пусть так, — сказал Тимка. — Когда мы до неё... до этой добежим, я тебе глаза закрою и поведу за эту... ну, как её... Пушок там пасётся.

Мы добежали до этой элек-

трудоительницы, Тимка велел мне закрыть глаза и повёл куда-то за руку.

Я пять раз чуть не упал и один раз упал, Тимка сердился и говорил, что я как слепой, а потом сказал:

— Ну, я побежал. А то он меня не любит. Интересно, узнаете вы друг друга? Открывай глаза на раз-два-три. — И убежал.

— Раз-два-три, — крикнул Тимка тихо-тихо, будто с другого конца земли.

Я открыл глаза и... удивился. Никаких коров здесь вообще не было. Стоял только один бык, огромный бычище, как паровоз.

Он смотрел на меня, а я на него, он на меня, а я опять на него, а потом он как посмотрит на меня странным образом и как побежит на меня, фырча.

У-ух как я дунул бежать по полю! А он за мной. Фырчит. Ногами землю роет.

— Караул! — закричал Тимка. — Он Алёшку хочет заесть!

А я бегу-бегу, бегу-бегу и... упал. Покатился. А бык — топ-топ. Тимка «караул» кричит. А я закрыл глаза. Всё. Прощай, мама. Сейчас ка-ак...

И вдруг кто-то так нежно-нежно лизнул меня по лицу. Мокро-мокро. Шершаво-шершаво. Как губкой. Тепло-тепло. Открыл я один глаз и вижу — этот здоровый бык меня облизывает. Голова огромная, рога...

Открыл я потихонечку второй глаз и вижу — ну, конечно, это же Пушок, та же мордочка

с белым пятном, те же глазки...

— Пушочек, — сказал я. — Пушечка! Пушиночка!

А он меня лижет. Узнал, игрун этакий!

Я встал с земли, а со всех сторон к нам люди бегут, спалками, с граблями, ещё с чем-то, рыжий Тимка плачет, все шумят.

Все до нас не добежали, остановились и не подходят.

— Мальчик, — кричит мне какой-то человек в очках. — Стойте смирно. Сейчас мы вас спасём.

А Тимка плачет перед очкастым:

— Товарищ новый зоотехник, я не нарочно, они же знакомы.

— Молчать! — сказал очкастый. — Никому не двигаться!

— О-о-о! Будет тебе, Тимофей! — заголосила какая-то тётя на Тимку.

И вдруг я увидел, что к нам идёт дедушка Парфёныч, колхозный сторож.

— Дедушка Парфёныч! — закричал я. — Здорóво!

— Здорóво, Лексей, — сказал он. — Приехал, значит, погостить?

— Приехал, значит, — говорю я.

— Как мамаша, папаша? Здоровы?

— Как нельзя лучше, — говорю.

— Между прочим, — сказал всем очкастый. — Вы заметили? Бык не трогает ребенка.

— Да-да, — сказал кто-то. — Очень похоже, что это так.

— А чего вы собрались? —

говорит Парфёныч. — Не успел мальчик приехать, а вы уже. Что он, съест вашего быка, что ли? Он, можно сказать, год травы не видел, этот мальчик.

— Товарищи, — сказал очкастый. — Пойдёмте все обратно. Картина ясна.

И все стали расходиться.

Пушок ещё раз лизнул меня, а я ещё раз похлопал его по мордочке с белым пятном. И мы побежали с Тимкой срезать мне удочку.

И тут-то всё и началось.

Когда я уже спать лег, к нам пришёл очкастый зоотехник и сказал:

— Нам необходим ваш ребёнок. На полчаса.

— Что он уже успел натворить? — спросила мама.

— Ребёнок хороший, — сказал очкастый. — Ничем таким не отличается. Дело в другом. Племенной бык Пушок не принимает пищу. Нам его через три дня на сельхозвыставку в Москву везти, а он пищу не принимает, может исхудать до размеров обычной тёлки. А

ваш ребёнок с ним в хороших отношениях.

— Вот как? — удивилась мама. — Первый раз слышу. — И велела мне идти и помочь очкастому.

Мы пришли в какой-то дом, там в чистой комнате стоял бедный Пушок и ничего не ел, просто отказывался принимать пищу. Ещё там стояли какие-то растерянные люди. Они ласково поглядели на меня и стали подталкивать к Пушку. А меня и не надо было подталкивать, я сам подошёл к нему и похлопал по мордочке с белым пятном. Пушок замычал и лизнул меня. Тогда я велел ему есть, и он стал есть. Потом он поел, всё съел, я дал ему конфетку, а все захлопали в ладоши.

А утром очкастый опять пришёл.

— Не ест? — спросила мама.

— Ни в какую, — сказал очкастый. — Что повезем? Что повезем в Москву?!

— Бедный человек, — сказа-

ла мама. — Ну что ж, возьмите ещё раз Алёшку.

Очкастый обрадовался, как маленький, и потащил меня к Пушку.

Мы его накормили, всё честь по чести, и я побежал купаться.

Я нырнул, вынырнул, снова нырнул, опять вынырнул и вижу — плывёт очкастый в своих очках и кричит на всю речку:

— Плыви сюда, мальчик. Он гулять отказывается. Бодается. Я совсем обалдел. Что делать?

— Вам без меня крышка, — сказал я.

— Крышка нам, — согласился он.

Потом мы с Пушкой гуляли.

Потом вечером я его кормил.

Потом утром кормил.

Потом снова гулял с ним.

А мне выписывали трудодни — так сказала бабушка.

Потом я снова его кормил.

И гулял.

И кормил.

А потом долго-долго с ним прощался, и его повезли на станцию, чтобы потом в поезд посадить — и в Москву, на выставку.

И вдруг мы скоро видим — идут к нашему дому человек пятнадцать народу и очкастый, все потные и красные.

Бабушка, дедушка, папа,

мама и я вышли к ним навстречу.

Очкастый сказал:

— Он не лезет в вагон. Отказывается. Хотел укунить начальника станции. Не хочет ехать в Москву. Моё дело — крышка.

Я сказал:

— Ну что ж, пойдёмте, я всё устрою.

— Да? — сказал очкастый. — Хитро! А если он потом жрать не станет или вагон ломает? Что мы покажем в Москве? Обычную тёлку?

Дедушка почесал бороду и сказал:

— По всему видать, вам без мальчика крышка.

— Да-да! — радостно закричал очкастый. — Крышка нам! Точно! Отпустите вашего мальчика в Москву! Дня на три. Колхоз будет вечно помнить о вас.

И все закивали и стали говорить, что иначе всем крышка.

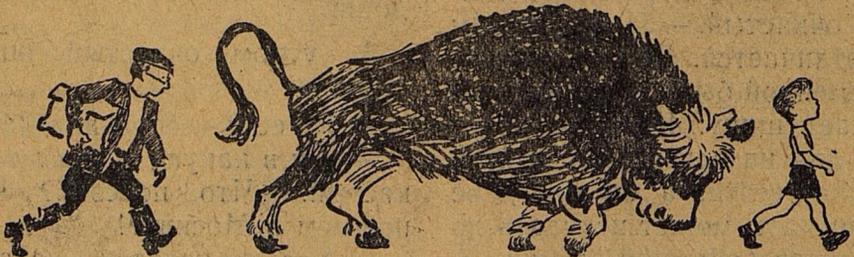
И ВОТ я в Москве.

Дома живу. Один. Как большой. Целый день за Пушкой ухаживаю.

Завтра поведу его по сельскохозяйственной выставке. Держу это пока от всех в тайне.

Это будет сюрприз.

Когда меня покажут по телевизору.

Стихи Серёжи Воронова,
ученика 254-й школы

Город «Нефтяные камни»

Ушёл он в волны
Стальной грудью.
Живут в нём только
Стальные люди.
Он — город-остров.
Стоит красивый.
Такой не просто
Построить было.
Под ним рокочет
Сам Каспий дерзко.
Идёт рабочий
В своей зюйдвестке.
Идёт строитель
Работать в море.
Он — победитель
В нелёгком споре.
А были споры!
И битвы были!
Но он опоры
Воздвиг стальные.
И вышки встали,
С волнами споря,
Нефть добывая
В открытом море.
...Ушёл он в волны
Стальной грудью.
Живут в нём только
Стальные люди.

Баллада о Никосе Белоянисе

Рис. Ю. Лаврухина

Свет от кружков машинных
фар

В широкий луч сливался
И человека освещал,
Который улыбался.
Уже затворов слышен лязг —
К расстрелу всё готово.
Он, безоружный в этот час,
Сильнее был винтовок.
Вот офицер команду дал,
Улыбку пряча злую.
И вот сухой ружейный залп
Разрезал тьму ночную.
«Убит он, — думали враги, —
Теперь его не стало».
А он встаёт, встаёт с земли
С гвоздикой раны алой.
Встаёт с земли, врагам на страх,
Такой же непреклонный,
Чтоб жить в легендах и
в стихах
И в сердце миллионов.

Требуются строители

Как доброе знамение,
Как слово наше веское,
Читаю объявление:
«Требуются слесари».

Как силы доказательство —
Плакат большими строками:
«Заводу обязательно
Требуются токари».

Есть мир, где безработица
Всегда, как гостя частая;
Она идёт, не просится,
К рабочим в дни ненастные.

У нас — работа общая!
Стране моей в развитии
Всегда нужны рабочие,
Всегда нужны строители.

Наследник Матвея Доробы

О Ч Е Р К

О наследстве, оставленном Матвеем Доробой, существовали различные мнения. Одни, зная Доробу-старшего, говорили, что другого от него и ждать было нечего; другие, услышав разговор о наследстве, иронически пожимали плечами.

Зато ровесники наследника единодушно заявили, что Володька Дороба стал обладателем величайших сокровищ. Они с завистью осматривали сарайчик-мастерскую и старый, выдавший виды велосипед.

Отец Володьки — Матвей Дороба был известен в Славянке как мастер на все руки. Брался он за любое дело. И всё у него выходило так, будто он всю жизнь только этим ремеслом и занимался. Вот почему в сарайчике-мастерской оказались самые различные инструменты: и столярные, и слесарные, и сапожные.

Когда был жив отец, Володька подолгу смотрел, как трудятся ловкие отцовские руки. Постепенно и Володька узнал, каким инструментом что можно делать, видел, сколько полезных и нужных вещей возвратил Матвей Дороба к жизни.

— Стул-то выбросить хоте-

ли, а он опять как новый, — говорили с благодарностью соседи, принимая из рук мастера красивую и ладную вещь.

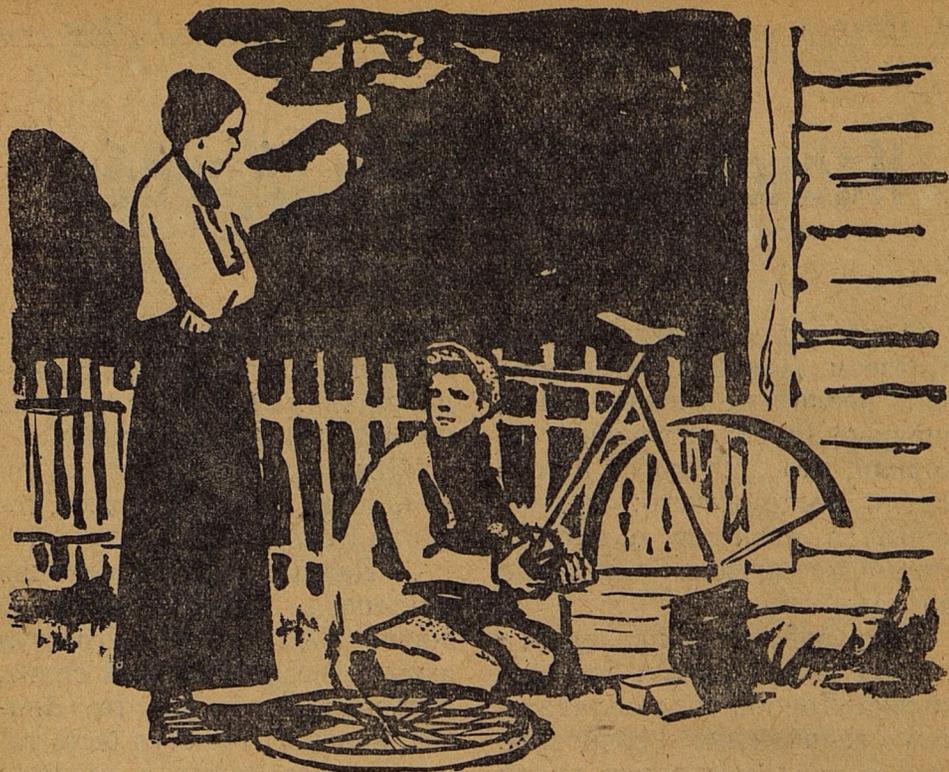
Отец только улыбался, а потом, когда соседи уходили, говорил Володьке:

— Каждая вещь, сделанная мастером, должна человеку жизнь облегчать. Вот хоть стул возьми: на нём человек сидит, отдыхает после работы. Значит, должен этот стул быть таким, чтобы отдыхал каждый мускул. Или вот пила. Наточишь её как следует, разведёшь как надо — и пилить легко, пыльщик не устанет. Всё нужно делать так, чтобы людям легче, веселее работалось.

И когда Володя смотрел на инструменты, которыми орудовал отец, он и к ним уважением проникался. А как же: ведь и инструменты эти люди делали! Может быть, тоже об его отце думали. Хорошо, когда все друг за дружку!

...А теперь остался Володя единственным мужчиной в доме. Мать хотела было инструменты продать, но увидела, как Володька опечалился, да и передумала: пускай остаются. Может, и сын в отца пойдёт, мастером станет...

И вступил Володька во владение сарайчиком. Целыми

днями пропадал он там, исследуя поломанные заводные игрушки. Каждую сначала разбирал на части, изучал что к чему, а потом собирал, как было. Иногда, укоротив сломавшуюся пружину, снова ставил её на место, и игрушка вдруг оживала, снова двигалась. Здорóво!

Старый отцовский велосипед нашёл себе применение не только на суше, но и на воде, и даже в воздухе! Вычитав в одной из книжек библиотечки «Для умелых рук» об устройстве планера, Володя решил приделать к велосипеду крылья. Затея закончилась двумя порванными простынями, взятыми у матери без разрешения, да синяками и уши-

бами у pilota-конструктора.

Как-то вечером мать, крутя ручку швейной машины, шила ему рубашку. А в это время мысли будущего владельца рубашки были заняты проблемой: почему и как шьёт эта машина?

«Узнаю!» — твёрдо решил Володя.

Утром, когда мать ушла на работу, он принёс из сарайчика отвёртки, гаечные ключи, плоскогубцы, и работа закипела. Зингеровская швейная машина была самым сложным механизмом, который когда-либо бывал в руках наследника Матвея Доробы. Действовал Володя осторожно: детали каждого узла машины раскладывал по столу отдельно друг

от друга. Машина была разобрана. И тут случилось самое страшное — вошла мама.

Увидев на столе составные части того, что раньше называлось швейной машиной «Зингер», мать на мгновение потеряла дар речи, а затем одним движением руки смахнула всё лежащее на столе в простыню, совершенно не заботясь о том, что детали разных узлов могут перемешаться, завязала всё это в узелок и строго приказала: не притрагиваться!

Сделав это, она села в уголок и заплакала.

Всю Славянку обегала мать, отыскивая мастера, который взялся бы восстановить машину. И всё было напрасным. Утром она решила ехать в город.

Когда мать вернулась — на столе стояла целёхонькая машина. Попробовала шить — шьёт! Только стучать стала по тише и ход — легче.

Увидев счастливое мамино лицо, Володя вышел из-за ширмы: очень уж хотелось ему увидеть, как отнесётся мать к сотворённому им чуду.

Мать начала его целовать. Глаза её блестели от счастливых слёз.

И тогда дошла очередь до старых часов. Видно, вышел им срок, встали они однажды, и всё. В починку мать их не понесла: ещё в прошлый раз часовщик предупредил:

— Последний раз чиню. Очень уж древняя конструкция. Отстукали они своё время.

Мать согласилась. А Володя с часовщиком никак согла-

шаться не захотел. Выпотрошить так просто внутренности часов — дело нехитрое. Но юный мастер решил разобрать их по-своему, соображая, какая шестерёнка для чего служит, что именно испортилось, что из старого заменить нужно. Долго копался он в пружинках и шестерёнках, уже на память выучил: какую куда деталь ставить нужно. Несколько раз собирал часы, но идти они отказывались.

Но ведь недаром говорится: терпение и труд всё перетрут. Пошли часы! Да как пошли! «Древность», которую часовщик советовал выбросить, работает и сейчас. Ровно без одной минуты семь старинные часы замыкают контакт, ведущий к громкоговорителю, и семья Владимира Матвеевича Доробы слышит голос московского диктора:

— Последний сигнал даётся ровно в семь часов по московскому времени.

— Хороший мастер делал эти часы, — говорит Владимир Матвеевич. И часы идут, отсчитывают минуты, часы, годы...

Вот уже и внучка Владимира Матвеевича Виктория научилась по ним определять время, когда дедушка приходит домой с завода. Но нередко она сердится на часы: стрелки часов показывают, что вот сейчас откроется дверь и войдёт дедушка, но дверь остаётся закрытой. И тогда Виктория жалуется:

— Опять дедушку автомат задержал.

Виктория на своём коротком веку встречалась с разными автоматами: один подарил ей карандаш, другой полил её голову душистой водой — одеколоном. Это всё добрые автоматы. А вот тот, который не пускает домой её дедушку, наверное, злой... Если бы она знала, что тот «злой» автомат и выдумал-то сам дедушка!..

На огромном Государственном оптико-механическом заводе слесаря-механика Владимира Матвеевича Доробу знает весь коллектив. Идёт он утром по заводу.

— Доброе утро, Володя! — приветствует его пожилой рабочий.

— Здравствуйте, Владимир Матвеевич! — дуэтом здороваются два подростка.

— Товарищ Дороба! Загляните к нам. Посмотрите, как ваше детище работает, — приглашает женщина в белом халате.

— Капризничает? — настаивается мастер.

— Нет, что вы! Замечательно работает.

А всё-таки посмотреть надо. Ох и досталось же Владимиру Матвеевичу от этого автомата! Такой упрямый попался!

Дороба идёт в цех. На столах — круглые матовые стёклышки, похожие на аптечные таблетки. После обработки они станут сверкающими линзами фотоаппаратов «Смена», частью их объективов. Объектив в фотоаппарате — важнейшая часть. Пришлось в своё время и с этими стёклышками Владимиру Матвеевичу пово-

зиться: изготовил он для их проверки механического контролёра. Но работу ему задал не «контролёр», а вот этот вроде обыкновенный тросик, с помощью которого вы, наверное, не раз щёлкали затвором вашего аппарата. Вроде и штука-то нехитрая: кнопка, пружинка, соединительная муфта точка да хлопчатобумажная оплётка — вот и все его части. А ведь сколько хлопот этот тросик всему цеху доставил! Главное — пружинка.

Раньше навивали её на длинные двухметровые пруты, а потом вручную обрубали по штучке. Сколько людей трудилось на этой утомительной однообразной работе! И то не успевали к срокам — сборщики простаивали.

Долго ходил вокруг этой пружинки Владимир Дороба, приглядывался: ну чем тут помочь, чтобы людям легче, веселее работалось? Несколько раз пытался упростить навивку пружинки — не получалось. Кое-кто на неё уже и рукой махнул.

— Брось ты её! — говорили Владимиру Матвеевичу. — Займись чем-нибудь другим. Не дури себе голову.

Но Дороба поисков не оставлял. Как-то директор завода, увидев первые результаты его трудов, спросил:

— Когда вы это всё делать успеваете?

— Вечерами, после работы.

— Ну а сколько вам требуется времени, чтобы закончить автомат?

— Месяца три...

На весь этот срок слесарь Дороба был освобождён от всех других дел.

Через два месяца новый автомат обрубил первые десятки пружин. Сделал он это аккуратно, соблюдая все технические условия. Кто-то из обрубщиков уже даже вздохнул облегчённо. И вдруг из трубки, по которой готовая пружина двигалась к обрубочным ножам, вместо завитков выскочила тонкая стальная змейка и пошла завиваться - закручиваться! Люди и ахнуть не успели, как она превратилась уже в бесформенный ком.

— Мочалка пошла! — заметил кто-то с грустью.

Убрали «мочалку». Снова запустили автомат. Снова десяток доброкачественных пружин. И снова — «мочалка»!..

Третий месяц подходил к концу. Владимир Матвеевич по утрам с грустью поглядывал на календарь. Вот ведь что получается: доверили ему, от работы освободили — делай, изобретай! Люди машину ждут, аппараты ждут пружину, а он им — «мочалку». Изобрёл называется! И снова мастер садился к столу.

— Ты бы хоть отдохнул когда-нибудь! — уговаривали его домашние. — Проветрился. В кино, что ли, сходил.

Однажды всё-таки вытащи-

ли Владимира Матвеевича в кино. И тут был найден выход. Совершенно неожиданно, случайно. Перед началом фильма, как обычно, демонстрировали журнал. Показывали, как нарезают обыкновенные гайки. Гайки ползли по изогнутому метчику, толкая вперёд одну другую. А сам инструмент — метчик — стоял неподвижно. Неподвижно!..

Фильм подсказал решение. И, честно говоря, случайного тут ничего и не было. Ведь всё время думал об этом мастер, а теперь просто согласился с подсказанным решением: металлическую трубку заменил изогнутый пруттик, и пружина пошла к обрубочным ножам непрерывно.

Сейчас посмотреть приятно, как из тонкой стальной прово-

локи небольшой автомат вьёт пружину, сам её разрубает на равные дольки, а по пути как бы между прочим очищает проволоку от ржавчины и грязи. Сколько рабочих рук он освободил!

Вспомнились отцовские слова: «Вот и легче стало людям, веселее работать!»

И, наверное, тоже с далёкого детства осталась у Доробы привычка наблюдать за проворными рабочими руками. Но однажды не понравились они ему — руки работниц на резке оплётки фототросиков.

Впрочем, первым это заметил директор завода.

— Посмотрите, какие руки у ваших работниц, — заметил он тогда начальнику участка.

— Это вы о мозолях, — догадался тот. — Так это же трудовые мозоли! Ими гордиться нужно.

— У парикмахеров от ножиц тоже были трудовые мозоли, только что-то они теперь на электромашинку перешли, — ответил директор, проходя дальше по цеху.

Руки!.. Да, ловкие они, рабочие руки, умелые, трудолюбивые. Кого же и беречь, как не их! Несколько месяцев трудился слесарь-новатор над созданием нового автомата. А когда был впервые включён мотор «новичка» и прямо с мотка автомат начал резать оплётку, Владимир Матвеевич взглянул на окруживших машину работниц. И показалось ему, что у многих из них глаза блестели точно так же, как когда-то блестели у матери,

вставшей из-за обновлённой машины «Зингер»...

...Виктория услышала, что кто-то открывает дверь. Посмотрела на часы: нет, дедушкино время ещё не подошло. Но оказалось, что это всё-таки он. Внучка побежала навстречу:

— Дедушка! Тебя автоматы сегодня пораньше отпустили?

Дедушка и пришедшие с ним гости заулыбались. Гости оказались из Москвы. Музей революции СССР прислал своих представителей, чтобы взять на почётное хранение авторские свидетельства, грамоты и медали талантливого рационализатора. Набралось тринадцать грамот и свидетельств.

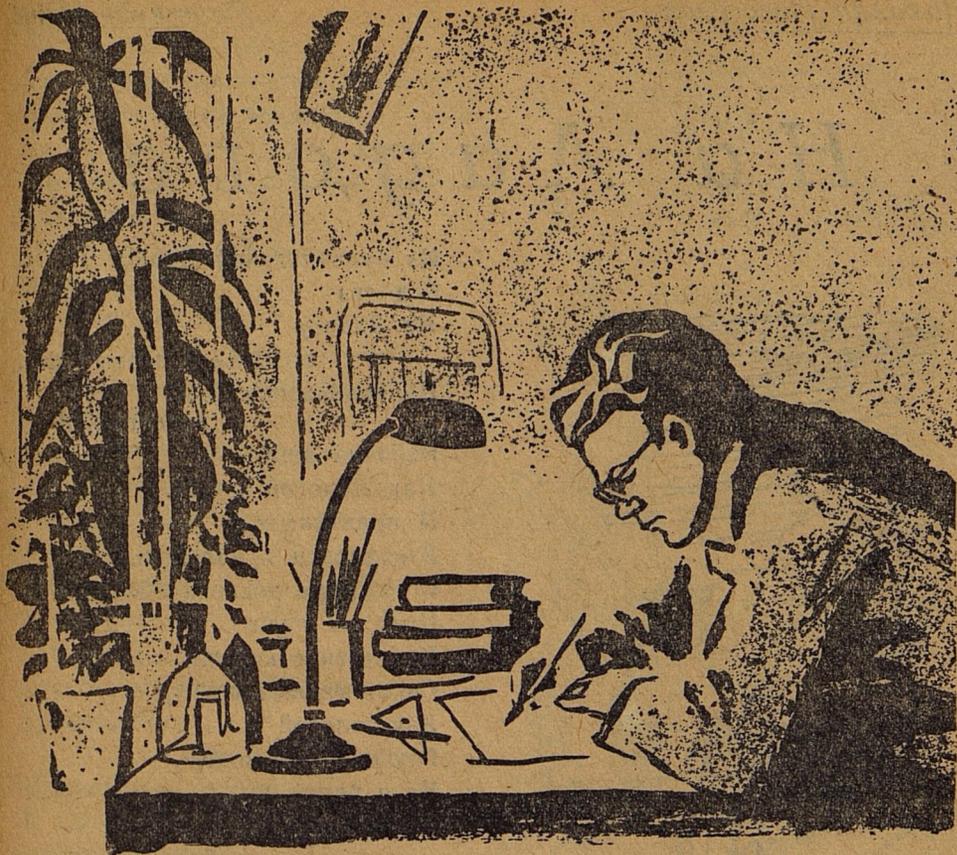
— Сколько же у вас всего изобретений? — удивился один из представителей.

Владимир Матвеевич начал вспоминать:

— Шесть автоматов... Нескольких полуавтоматов... Теперь, значит, различные приспособления...

— И ещё атомобиль! — вмешалась Виктория, гордо вкатив в комнату маленький автомобиль. Совсем как настоящий! Только детский. Но он всё равно может ездить сам. Мотор у него электрический, и питается он от осветительной сети. Из всех дедушкиных изобретений этот автомобиль Виктория считает самым главным.

...В годы войны фашистские самолёты уничтожили сарайчик-мастерскую, погиб и старый отцовский велосипед. Сейчас у Владимира Матвеевича в квартире на Скобелевском проспекте есть маленькая-ма-

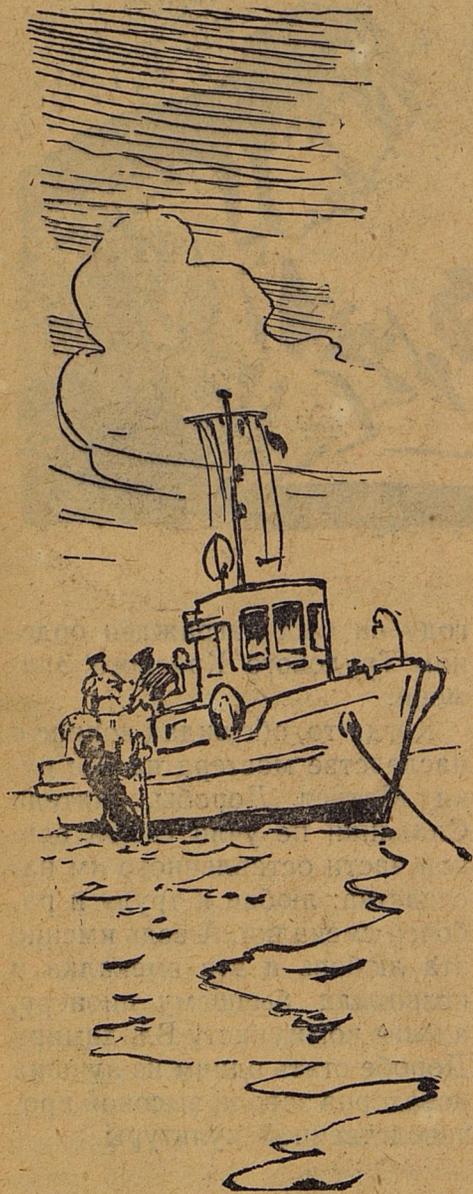
ленькая мастерская. По вечерам, в свободные от работы дни нередко трудится здесь её хозяин. Но не старый, видавший виды хлам возвращает он к жизни. Владимир Матвеевич творит новые механизмы, облегчающие труд человека, делающие труд более производительным. Правило у него остаётся прежним: всё нужно делать так, чтобы людям легче, веселее работалось, чтобы мастеру они могли сказать только спасибо.

И мастеру Доробе сказала спасибо страна — в прошлом

году он был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Когда-то, обсуждая вопрос о наследстве мастера на все руки Матвея Доробы, жители Славянки не учли самой ценной части оставленного им наследства: любви к труду и рабочей смекалки. А ведь именно эта любовь и эта смекалка и позволили бывшему пионеру, а ныне коммунисту Владимиру Доробе стать одним из лучших новаторов завода высокой производственной культуры.

На Ладоге

Из балаклавской школы
Водолаз
На Ладогу
приехал в первый раз.
На водолазном боте
рында бьёт.

Рабочий день
Над Ладогой встаёт.
И практикант,
Взволнован и польщён,
В тяжёлые доспехи облачён,
Идёт на спуск
По лесенке крутой.
Сияет медный шлем,
Как золотой.
Глубоко под водою,
Не в порту,
Стоит буксир
с пробойной в борту.

Как дым,
Струится тина из трубы...
Моторный бот
Поднялся на дыбы...
А рядом —
С чёрной свастикой крыло
Лишайником подводным
заросло

Здесь тишина.
Зелёный полумрак.
Но краснозвёздный
Не линяет флаг.
И кажется,
Что вахтенный матрос
К зенитному орудию прирос,
Что капитан
(В который раз подряд!)
Ведёт баржи
В блокадный Ленинград.
Глядит в иллюминатор водолаз
Широкими зрачками серых глаз.

Он не солдат.
Он не был на войне.
Ему пошёл двадцатый по весне.
Стоит он перед подвигом
друзей...

Но здесь не склеп могильный,
Не музей.
Здесь трудовые будни,
Фронт работ.

И будет поднят
этот мотобот.
И бомбами потопленный буксир

Увидит вновь
Большой и светлый мир.
Он будет жить!

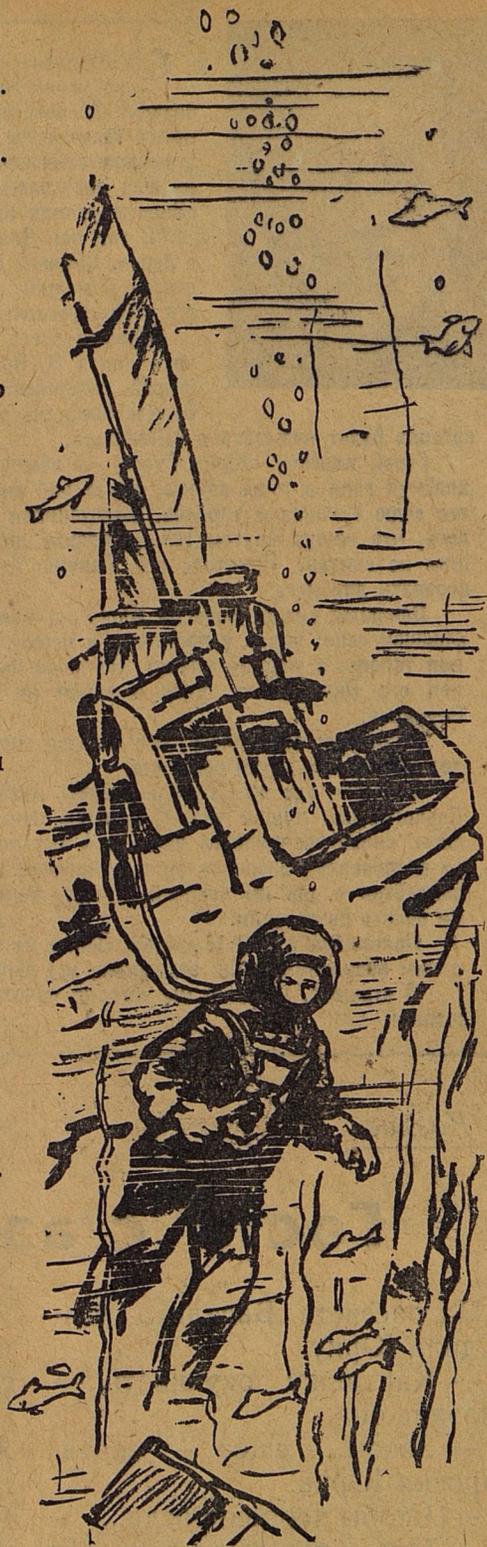
Недаром наш народ
Дорогой жизни
Ладогу зовёт.
А наверху —
Сумятица ветров,
Густая переключка катеров.
Трёхпалубный

ступенный теплоход
Привычным рейсом
К Смольному идёт.
Стучат моторки.

Тянутся, легки,
Рыболовецких катеров дымки.
И аккуратной кистью
Вдоль бортов
Написаны названия судов.
И повторяет светлая волна
Бессмертные героев имена...
На водолазном боте

рында бьёт.

Рабочий день
Над Ладогой встаёт.

БЫЛО писателю всего двадцать лет. Но уже сколько успел он узнать, сколько профессий перепробовать! Он работал в колхозе, потом на радиостанции, потом геодезистом, учеником столяра на заводе, артистом драматического театра. Впрочем, тогда ещё он и не был писателем. В 1948 году он пришёл в газету «Великолукская правда» и стал журналистом.

С тех пор Вильям Фёдорович Козлов не расстаётся с пером. Сначала он писал очень серьёзные «взрослые» статьи и очерки, а в 1957 году в «Искорке» появился его первый рассказ для ребят — «Перочинный ножик».

Прошло всего пять лет, но вот уже вышли из печати книги В. Козлова «Валерка-председатель» и «На старой мельнице», написана повесть «Юрка Гусь». Сейчас писатель работает над повестью о ребятах села,

которая будет называться «Копейка».

Герой повести «Юрка Гусь» — обыкновенный мальчишка, который много хлебнул горя в годы войны. Из-за неё он стал бродягой. Немало перзпало на его долю туманов и упрёков. Ожесточился Юрка. Одно время ему даже казалось, что живут кругом только плохие люди. Впрочем, и себя он тоже хорошим не считал. Приятель его, Гришка Ангел, был вором. И Юрку заставлял воровать для него.

Однажды судьба занесла Юрку на маленькую станцию. Попался он не на хорошем деле: украл у пассажирки мешок с продуктами. Думал Юрка, что попал теперь, в тюрьму упекут. Но люди оказались не такими уж злыми. Пожалел его милиционер Егор и отвёл не в отделение, а на ночлег к бабне Василисе.

И так уж получилось, что остался сирота Юрка Гусь у бабки. Сначала хотел убежать, а потом раздумал.

Станция, где жил Гусь с бабкой, находилась недалеко от линии фронта. Слышно, как пушки ухают. Каждую ночь наведывались сюда немецкие самолёты, склад боеприпасов искали. А тут попалась Гусю в руки ракетница. Как ее опробовать? Забрался он с приятелем Стасиком в лес, дождался вражеских самолётов и дал им ложный сигнал. Фашистские бомбардировщики все бомбы на болото разгрузили.

Появились у Гуса и друзья. Одним из них был шофёр бензовоза Семён. Гусь с ним познакомился на аэродроме, где одно время работал.

В отрывке, который мы сегодня печатаем, рассказывается об их последней встрече.

В. Козлов

Рисунки П. Вискова

Гость с аэродрома

На рассвете Василиса разбудила Юрку.

— Картошку окучивать, — сказала она.

— Зачем ещё? — зевая, спросил Юрка.

— Чтобы хорошо росла....

— Она и так вырастет... Не надо, баб...

Василиса пожевала губами и, завязав потуже платок на голове, вышла в сени.

Юрка полежал немного и тоже стал одеваться. По полу прыгали солнечные зайчики. Один из них забрался в алюминиевую тарелку, стоящую на полке, и она весело сияла.

Дик лежал посередине избы. Один глаз спит, другой — на Юрку смотрит. Дику тоже хочется спать. Ему можно. Ему не надо картошку окучивать.

Белка лежала напротив Дика и настороженно глядела на него. Чего ей от Дика надо? На улице и близко не подходит, а в избе так и следит за ним.

Когда Юрка вышел на крыльцо, бабка уже ковырялась в огороде между рядами картофеля. Солнце, большое, красное, косо освещало мир. Тихо и прохладно на улице. Длинные тени протянулись от изб, заборов. Иглы на четырёх соснах влажно сияли. На них ещё не высохла ночная роса. На дороге пусто. Не слышно поезда. И вот утреннюю тишину пререзал звонкий пастуший крик:

— Эге-ге-гей! Бо-о-о!

И тишины как не бывало. Заскрипели двери скотников, захлопали калитки. Надрывно замычала, приветствуя свой рабочий день, корова. Ей охотно отозвались другие. В густое коровье мычанье вплелось дробное козлиное беканье. А тут ещё пробудились петухи. И пошли перекликаться от двора к двору. Петушиная перекличка скоро оборвалась. Немного осталось петухов в селе.

К изгороди была прислонена мотыга. Это для Юрки. Он взял мотыгу, повертел её в руках, сморщился: тяжёлая. Встал в борозду, с размаху всадил в землю. Бабка покосилась на него, но ничего не ска-

зала. Юрка из озорства ещё раз всадил мотыгу не туда куда надо. Бабка — никакого внимания. Вздохнув, поплевал на руки, как это делал на аэродроме, и стал окучивать. Поравнявшись с бабкой, всё же буркнул:

— Фриц прилетит, бросит бомбу — и вся наша картошка — в небо.

— Балаболка, — добродушно проворчала Василиса. — Гляди под ноги-то, а то по пальцам тяпнешь...

Рукам стало горячо. Это от ручки. Раз горячо — жди мотыгой. Через час заныла спина, шея, защипало между лопатками.

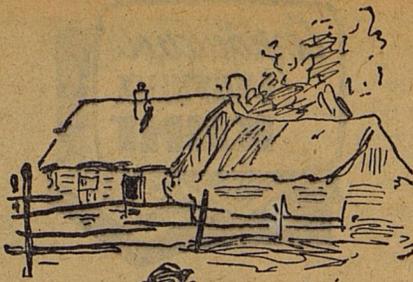
— Перекур, — сказал Юрка и бросил мотыгу в борозду.

Бабка продолжала окучивать. Она уже на три борозды обогнала Юрку.

— Шабаш! — крикнул он ей. — Заморилась ведь, отдохни.

Бабка обогнала его на четырёх бороздах. Её маленькая фигурка не спеша двигалась вдоль зелёного кустистого рядка. Мотыга равномерно поднималась и опускалась.

«Старая, а, гляди, не устаёт», — подумал Юрка. Посмотрел на свои руки — мозо-

лей пока не видно. Потом будут...

— Бабушка, хочешь я в лес сбегать? — сказал Юрка. — За грибами. Говорят, за пожней колосовики пошли...

— Рано им ещё, — сказала Василиса. — Какие сейчас грибы? Неделю печёт... Грибы, родимый, после дождя бывают.

— А почему же сморчки растут?

— Вот тебе урок, — сказала бабка, — до завтрака — четыре борозды.

Юрка прикинул: многовато. Ничего не поделаешь, надо браться за мотыгу. Тут не до разговоров.

В самый разгар работы возле дома остановился бензовоз и стал сигналить.

«Цыган», — сообразил Юрка. Бросив мотыгу, побежал к калитке. Так и есть, чернобровый Семён вылез из кабины и, улыбаясь, ждал Юрку.

— Здорово, Огурец! — пожал ему руку. — Занимаешься сельским хозяйством... Добро.

— Надо же бабке помочь, — солидно сказал Юрка. — Сам понимаешь, старая...

— Добро, — повторил Семён. — На аэродром не тянет?

— Как там живут-могут мои приятели? — спросил Юрка.

— Летают, — неопределённо ответил Семён.

Юрка ожидал, что он передаст ему приветы, расскажет новости. Как там Вася-Василёк? Лётчики? Но Семён хлопывал синей пилоткой по сапогам, помалкивал. Чёрные волнистые волосы спускались ему на обожжённый лоб. Широкие брови смыкались на переносице. Большой, сильный, стоял перед Юркой Семён и с любопытством смотрел на него. Давненько не виделись они. С весны. Изменился Юрка Гусь. Ростом больше стал. Лицо обострилось, похудело. Скулы, как две сливы, выпирали на щеках. А буйный прямой

волос рос как хотел: вкривь и вкось. И глаза были такими же большими и зелёными, только вроде бы помягче стали, по-добрее. Ишь какой хозяйственный стал, картошку с бабкой окучивает. Была у Семёна мысль взять Юрку с собой в гараж. И с ребятами договорился и с начгаром. Будет парнишка при гараже, привыкнет, смотришь, хороший слесарь или шофёр получится из него.

— Поехали, Огурец, со мной, — сказал Семён. — На аэродром.

— К лётчикам?

— Будешь шофёром... Машину научишься водить.

— Бензовоз?

— А что, плохая машина? — спросил Семён.

Юрка окинул равнодушным взглядом пузатую машину, похожую на гигантского зелёного муравья с яйцом, ответил:

— Ничего... В неё много бензину влезает... А в самолёт больше.

— Не поедешь?

— Кабы к лётчикам, — сказал Юрка. — А бензовозом... Семён, я лётчиком хочу. На штурмовике, как Северов.

— Учиться, Огурец, надо, — сказал шофёр. — А ведь ты лоботряс. Учиться не хочешь, а самолёт подавай. Ничего из этого не выйдет. Даже рыбку без труда не вынешь из пруда. А тут самолёт.

— Брось трепаться, Семён, — сказал Юрка, — ну какой я лоботряс? Погляди, сколько борозд окучил? И ещё до вечера чёрт знает сколько сделаю. А эти хорды, разные

там углы, винты я осилю. Знаешь, какой я упрямый? За три дня прочитал книжку толстую, как кирпич. Её сейчас Стасик читает, друг-приятель мой.

Бабка разогнула старую спину и, опершись подбородком на отполированную ручку мотыги, посмотрела на них.

— Чего языком попусту мелешь? — сказала она. — Позови человека в избу.

— Это Семён, бабушка, — сказал Юрка, обрадовавшись перерыву.

Семён взглянул на часы и полез в кабину.

— Чаю-то попей? — упавшим голосом сказал Юрка. Он подумал, что Семён уезжать собрался, но шофёр вытащил из угла тугой вещевого мешок, вскинул его на плечо и зашагал по тропинке за Юркой. «Чего это у него в мешке? — заинтересовался тот. — Да много как... Не запчасти, надо полагать, продукты. Наверно, сухой паёк получил...»

Семён понравился Василисе. Он громко отвечал на её вопросы, рассказывал о положении на фронтах. Узнав, что её сын танкист, — успокоил:

— Такая громада... Не так-то просто прошибить. Броня!

Когда ведёрный самовар закипел, Семён, словно пушинку, поставил его на стол.

— Угостить-то тебя нечем, — загоревала бабка. — Уж больно парень-то хороший... Справный.

Семён засмеялся, и его ровные белые зубы заблестели на смуглом, цыганском лице.

— Не тужи, мать, — сказал он, хитро прищурился глазами. — Огурец угостит...

Юрка вытаращил на него глаза:

— Ты чего?

— Развязывай мешок, — сказал Семён.

Юрку уговаривать не пришлось. Он за ляжку подтащил тяжёлый мешок к столу, развязал. В мешке лежали хлеб, сухари, консервы, сахар, брусок сала, банка с комбиджиром, который называли «лярд».

— Сколько жратвы! — удивился Юрка.

Дик лапой отворил дверь и пробрался к избу. Видно, запах привлек его. Но к столу Дик не подошёл. Лёг посередине комнаты, положил морду на лапы и глаза прикрыл, дескать, наплевать мне на хлеб, сало и консервы. Только влажный нос выдавал Дика. Нос жил своей жизнью: морщился, сжимался, шумно втягивал воздух.

Юрка стоял возле мешка. В одной руке он держал буханку хлеба, в другой — сало. Лицо у него было радостное и немного растерянное.

— Кому это? — наконец спросил он.

— Тебе.

— Мне?!

Цыган шутит. Кто ему, Юрке, столько продуктов отдаст? Это его, Семёна. А сам что будет есть? Нет, столько сразу нельзя брать... Много.

— А сам? — спросил Юрка. — С голоду помрёшь...

— При чём тут я, — улыб-

нулся шофёр. — Это всё твоё. Лётчики прислали...

— Вася - Василёк? — воскликнул Юрка, расцветая от счастья.

— Он и Кошин передали... Знаешь Кошина?

— У него ещё щека обожжённая? — вспомнил Юрка.

— Он самый... Передай, говорят, Гусю, только пусть не всё сразу слопают... Брюхо лопнет.

— Бабушка, — подскочил Юрка к Василисе, — это лётчики мне прислали... Нам стобой!

Он положил перед ней хлеб, сало, подтащил мешок.

— И сахар тут... с чаем будем пить. Это всё лётчики.

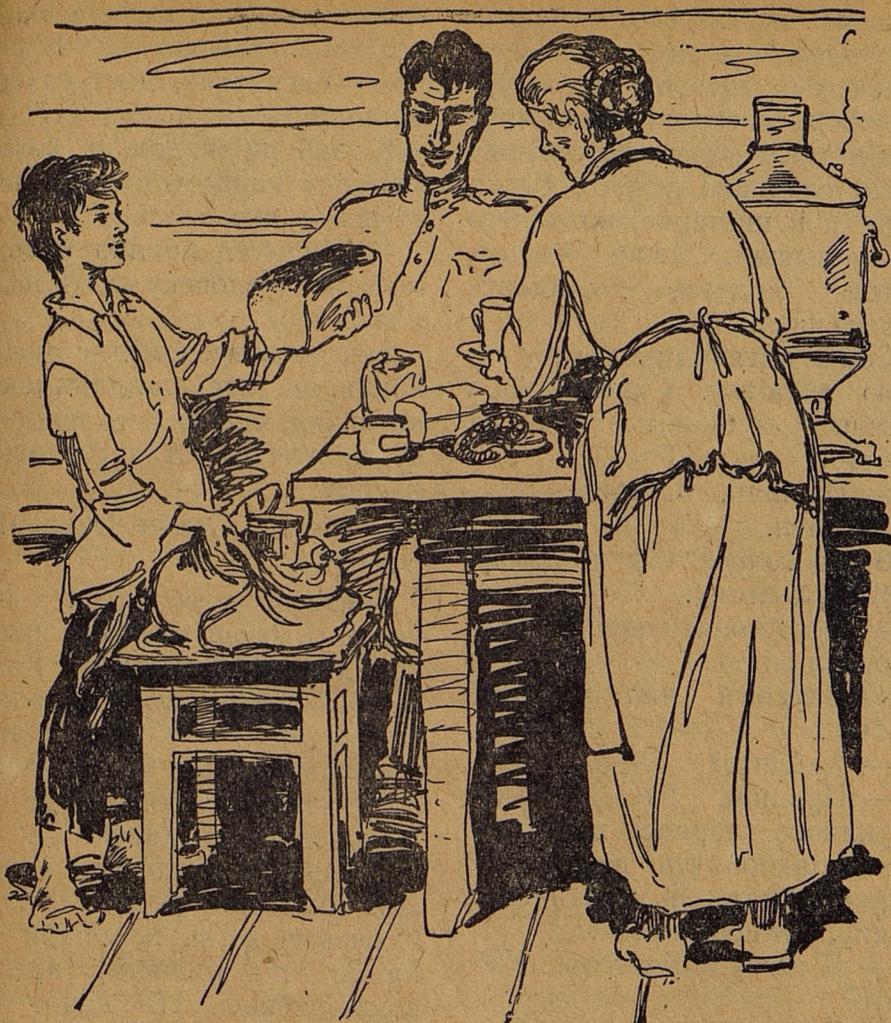
Семён пил чай, про себя улыбался. Ишь как ожил Гусь! Рад без памяти, что не забыли. И Семён был рад за Юрку. Всё-таки сам командир эскадрильи, Герой Советского Союза Вася-Василёк лично попросил передать продукты Юрке. И большой привет от лётчиков. Столько дел, вылетов, а вот не забыли парнишку...

Юрка, почувствовав себя хозяином, всё вывалил из мешка на стол и принялся угощать:

— Ешьте вы... Баб, клади в чай больше сахару. А ты, Семён, давай жми на сало... Тебе ещё на аэродром пылить.

— Не старайся, Огурец, — сказал Семён. — Я человек не стеснительный. Только сыт я. Вот чай — другое дело.

— Ты каждый раз заезжай к нам чай пить, — радушно

пригласил Юрка. — Можно, баб?

— Теперь знает, где наш дом, — сказала Василиса. — Не проедет мимо...

Семён поднялся из-за стола, поблагодарил хозяев. Дик тоже поднялся, подошёл к нему, понюхал сапог. Понюхал и завил хвостом: родной запах аэродрома.

— Гляди, узнал... — удивился Юрка.

— Интересовались ребята, как он тут?

Юрка разлохматил Диду

шерсть на загривке, похлопал по спине:

— В норме... Костей не нащупать... Он шпиона поймал.

— Полезный пёс, — сказал Семён.

Юрка проводил его до бензовоза. Солнце нагрело бак. Над винтовой пробкой дрожал, плавился воздух. Это испарялся авиационный бензин, Юрке приятен был запах бензина. Он напоминал аэродром, штурмовики. Ему вдруг захотелось приложить ухо к теплому боку цистерны. В голову

пришла мысль, что он услышит знакомые звуки: рёв прогреваемых моторов, гул штурмовиков, совершающих круг над лётным полем. Искушение было слишком велико. Юрка приник к цистерне, но ничего не услышал. Даже плеска. Бензин молчал, дожидаясь своего часа.

Семён натянул на голову синюю пилотку. Синеватый в кольцах чуб вымахнул на бровь.

— Прощай, Огурец, — сказал Семён.

В его голосе Юрка уловил грустную нотку.

— Когда опять приедешь? — спросил он.

— Вкусный чай у твоей бабки...

— Уходите?

— Прощай, Гусь. — Семён неуклюже забрался в кабину, хотел захлопнуть дверцу, но Юрка не дал. Он ухватился за ручку, потянул к себе.

— Я не буду болтать... Уходите?

— Время-то какое, Огурец, — улыбнулся Семён. — Наступаем. Чего же нам сидеть тут? Фронт далеко отодвинулся на запад. Будем перебазироваться к фронту.

— И ты будешь перебазироваться?

— Понятно.

— Ты же не лётчик! — крикнул Юрка. — Ты бензовоз.

Семён не обиделся. Он понимал Юркино настроение. Оборвалась последняя ниточка, связывавшая его с аэродромом. Семён осторожно захлопнул дверцу, нажал на стартер.

Мотор тоненько взвизгнул, завертелся. Сейчас Семён выжмет сцепление, даст газ и... прощай.

К забору подошла бабка. Вытерев концом платка толстый нос, сказала:

— Ну, чего прилип к автомобилю? Человеку ехать надо, а ты...

Бензовоз тронулся с места. Юрка, не обращая внимания на бабку, вскочил на подножку и кулаком стал стучать в дверцу:

— Семён! Семён! Открой! Я с тобой...

Бензовоз скатился под уклон. Вымощенная булыжником дорога оборвалась. Колёса машины попали в широкие колеи, выбитые в песке. Мягко покачивало. Лес обступил дорогу, закрыл небо. Иногда машину сильно накреняло, и тогда слышно было, как в гулкой цистерне ходит бензин. Сосновые ветви царапали покатые бока машины, скребли верх кабины. На капот неслышно упала зелёная сосновая ветка. Она, словно живая, поползла до радиатора и соскользнула вниз.

Под колесами протарахтел деревянный Рябиковский мост. От моста до самой железнодорожной насыпи волновалась высокая трава. Отсюда до бабкиного дома полтора километра. В кабине тихо. Семён крутит чёрную баранку. Молчит. Молчит и Юрка. Он напряжённо смотрит вперёд. Глаза широко раскрыты. Не мигают. Юрка думает. Решение всё бросить и уехать с Семёном к

лётчикам возникло мгновенно. Он не колебался. Вскочил в кабину, сел и поехал. А теперь мысли пчелиным роем закружились, загудели в голове. Бабка? Картошка? Стасик? Рита? Дик!

Как он мог забыть про Дика?

Юрка повернулся к Семёну, хотел сказать ему, чтобы он остановился. Надо ведь Дика взять... Семён смотрел на дорогу, крутил баранку и улыбался. Наверное, думает, что Юрка готов на попятную. Думает, что Юрка Гусь трепач...

— Семён, — ровным голосом сказал Юрка, — когда ты снова на склад собираешься?

— Военная тайна, — усмехнулся шофёр.

— Я серьёзно...

— Уже домой потянуло?

— Паршивый у тебя бензовоз, — сказал Юрка. — Того и гляди развалится... Когда тебе новый дадут?

— Мне и на этом хорошо... Машина что надо.

— Барахло, — сказал Юрка. — А этому толстоносому дали новый. Я видел.

— Мне на складе больше делать нечего, — сказал Семён. — Это последний рейс.

Юрка кашлянул и отвернулся. Лицо его стало ещё напряжённее. Он кусал губы. Незаметно для себя ногой поддал какой-то рычаг.

— Осторожно, Огурец, — спокойно сказал Семён, — сломаешь...

— Машину? — спросил Юрка.

— Ногу, — сказал Семён.

Они замолчали. Бензовоз, надсадно завывая, медленно взбирался на бугор. А там дорога хоть куда. Включай четвёртую и газуй. До самого аэродрома. На бугре Семён остановил машину. Не выключая мотора, сказал:

— Прокатился и хватит... Вылезай.

Юрка, скрывая радость, удивлённо посмотрел на него.

— Не вылезу, — сказал он. — Давай вези...

За дверцей кабины послышался тихий визг, кто-то поскрёбся. Юрка нажал на ручку, дверца отворилась, и в кабину сунулась остроухая морда. Дик вспрыгнул на подножку, с ходу лизнул мокрым горячим языком Юрку в лицо.

— Бежал сзади! — изумился Юрка.

Он соскочил на дорогу, обнял Дика. Бока у собаки ходили ходуном, с длинного языка в пыль скатывалась слюна. Дик смотрел Юрке в глаза, словно хотел сказать: «Что же это ты, братец? А ещё друг...»

Юрка гладил Дика, молчал. Ему было стыдно. И перед Диком и перед Семёном.

— Зря тебе собаку отдали, — сказал Семён. — Намудрили тут лётчики.

— Трогай, чего стоишь? — не оглядываясь, сказал Юрка.

Семён отпустил тормоза, и бензовоз медленно поехал под уклон. Юрка слышал, как из-под колёса выскочил камень и звонко стукнулся о крыло. Шорох покрышек становился всё глуше. Бензовоз удалялся. Юрка встал, посмотрел вслед

машине и, крикнув: «Се-ме-ён!», — бросился догонять. Дик молча бежал рядом, у левой ноги.

— Ты мне, Огурец, порядком надоел, — сказал Семён, остановив машину. — Командуешь, понимаешь, и командуешь... Ну?

— Пока, Семён, — сказал Юрка и протянул ему руку. — Будешь в наших краях — заезжай. Бабка мигом самовар поставит...

Семён взял в свою большую ладонь Юркину руку, пожал. Подмигнув черным цыганским глазом, засмеялся:

— Чертёнок... И в кого ты такой колючий?

— Лётчикам мой поклон, — двигая

скулами, сказал Юрка. — За вещмешок и за всё... Насчет Дика пусть не волнуются. Дик... в общем, всё будет в норме... А ты давай вози бензин и заезжай, когда война кончится. Заедешь?

— Обязательно.

— Ну давай, трогай...

— А ты, Огурец, держись за бабку, — сказал Семён. — У неё, сразу видно, душа хорошая, русская.

— Она мне как родная...

— Помогай ей по хозяйству-то. Трудно ведь, старая...

— Я пять борозд сегодня окучил... А встал, ещё солнца не было.

— Встретимся, друг, — сказал Семён. — Поехал я.

Он помахал рукой и скрылся в кабине. Не успел бензовоз набрать скорость, как Юрка снова догнал.

— Семён, — торопливо ска-

зал он, семена рядом с подножкой. — Я нарочно насчёт твоего бензовоза... Хорошая машина. Что толку, что у толстоного новая? Всё равно он тебя в жизнь не обгонит. Барахло он, толстоносый... Кулак.

Семён, не останавливая машины, снова помахал рукой и, кивнув головой, всё быстрее понёсся под уклон. Юрка и Дик стояли посередине дороги и смотрели на бензовоз. Дорога была ровная, и машина быстро удалялась. Юрка ждал, когда бензовоз свернёт за кривобокую сосну, стоявшую на развилке. И вот на дороге осталось редкое пыльное облако. Когда оно развеялось, Юрка вздохнул и зашагал в обратную сторону, на станцию.

Бабка окучивала картошку. Её выгоревший платок чудом держался на затылке. Гладкие чёрные волосы были аккуратно зачёсаны за уши. Круглая, похожая на дождевую каплю серёжка равномерно качалась в маленьком ухе. Юрка отворил калитку. Она протяжно скрипнула. Он нарочно медленно шёл по тропинке, но бабка даже не посмотрела в его сторону. Он кашлянул. Бабка молча орудовала мотыгой. Пока Юрка был в отлучке, она окучила пять длинных борозд.

Юркина мотыга сиротливо торчала посередине борозды. Он помнил, что, увидев бензовоз, бросил её. Это бабка воткнула мотыгу в борозду. Знает, она знала, что Юрка вернётся.

Он встал в борозду и как ни в чем не бывало принялся подгребать рядки. Поравнявшись с бабкой, поднял на неё глаза. Бабка не глядела на него, будто Юрки вовсе на огороде и не было.

— Устала ведь, баб, — сказал Юрка. — Отдохни... Я поработаю.

— Ухватом бы надо тебя, — бабка разогнула спину, потёрла поясницу. — Не можешь без этих фокусов?

Лицо у бабки было совсем не сердитое. Приложив ладонь ко лбу, она поглядела на солнце.

— Ребятишки тут к тебе оравой приходили, — сказала она. — Звали куда-то... Толком не расслышала. На речку, что ли?

Юрка тоже посмотрел на солнце. Высоко, над самой головой. И жарко. Рубаха прилипла к плечам, шея мокрая. Хорошо бы сейчас с берега... Вода прохладная, красота!

— Поработаю, — сказал Юрка. — Урок у меня... Четыре борозды окучу и пойду.

Бабка надвинула платок на лоб, воткнула свою мотыгу в землю.

— Печёт... Иди, купайся.

— Поработаю, — упрямо сказал Юрка.

Он сбросил рубаху, из майки соорудил что-то наподобие тюрбана и надел на голову. Пускай печёт... Свой урок он выполнит, если бы даже на небе не одно, а сто солнц засияли.

Бабка ушла в избу, а Юрка с удвоенной энергией принял-

ся за дело. Чем скорее он выполнит свой урок, тем раньше попадёт на речку. Главное, не отвлекаться, ни на кого не обращать внимания. Но это сделать оказалось не так-то просто. Юрка ещё не закончил окучивать и вторую борозду, как на крыльцо вышел Жорка Ширин. Уселся на верхнюю ступеньку и, вытащив из кармана белый сухарь, стал его яростно грызть своими гнилыми зубами. Юрка сначала делал вид, что не видит Жорку. Жорка тоже не хотел замечать Юрку. Несмотря на гнилые зубы, Рыжий удивительно быстро разделался с сухарём. Из другого кармана он достал кусок сахара. Кусок был большой, и Жорка никак не мог запихать его в рот. Положил на доску и ахнул камнем. Белые брызги разлетелись во все стороны. Жорка сначала облизал камень, потом, опустившись на колени, стал подбирать с земли кусочки сахара.

Откуда ни возьмись появился Тобик. С секунду он удивлённо смотрел на своего хозяина, но, сообразив в чём дело, бросился помогать ему. Сахар так и затрещал на крепких собачьих зубах.

— Пошел вон! — отпихнул Тобика Жорка.

Тобику сахар понравился. Он не захотел уходить. Наоборот, он выхватил у Жорки из-под самых рук кусок сахара.

— Отдай, обжора! — вцепился Жорка в собаку. — Ко-му говорю?

Тут Юрка не выдержал.

— Сам ты обжора, — сказал

он. — Зубов нет, а сахар жрёт...

Жорка отпустил Тобика. Желтоватые глаза в крапинку стали злыми.

— Это сахар мой, — сказал он. — Я не ворую...

Юрка едва сдержался, что бы не запустить в него камнем. Не стоит руки пачкать. Прибежит Шириха, шум подымет... Бабка опять расстроится.

— У меня привычки такой нет — воровать, — ухмыляясь продолжал разглагольствовать Жорка. — Воров в тюрьму сажают.

Юрка смотрел на жирное, расплывшееся Жоркино лицо и чувствовал, как закипает бешенство. Не задумываясь, проломил бы ему рыжую башку мотыгой. Если перемахнуть через забор, можно поймать... Не успеет удрать. Юрка медленно двинулся к забору.

— Тронь только, — сказал Жорка. — Старшина дома... Он живо те холку намылит.

Юрка окинул взглядом забор. Высокий. С ходу ни за что не перепрыгнешь. А пока будешь перелезать, Жорка смоеся.

— Дядя Пётя, — на всякий случай позвал Жорка, не спуская с Юрки глаз, — выдь на минутку...

В сенях глухо хлопнула дверь, затопали тяжёлые шаги, и на крыльце появился старшина. Он был без ремня, ворот расстёгнут. Живот вздул гимнастерку, на толстом лице — пот. Старшина пил чай, распарился.

— Ну и погодка, — поглаживая себя по животу, сказал он. — Пустыня. Сахара.

— Дядя Петя, — угодливо сказал Жорка, — пойдёте на речку?

— Далёко?

— Чуток поболее версты...

— Надо подумать... — старшина потянулся, икнул, — я, понимаешь, вздремнуть хотел.

— Там вздремнёте, — уговаривал Жорка. — Под кусточком.

Старшина снова икнул и увидел Юрку. Маленькие водянистые глаза его с минуту буравили мальчишку.

— Не совестно? — наконец

спросил старшина.

— Вы о чём, дядя?

— О консервах и колбасе... Знаешь, что это такое?

— Продукты, — сказал Юрка.

— Сколько банок увёл?

— Одну, — сказал Юрка, — два круга колбасы и буханку хлеба...

Жорка обалдело захлопал

рыжими ресницами, рот его широко раскрылся. Старшина тоже опешил. У него даже икота пропала. Он застегнул пуговики на воротнике, провёл рукой по гимнастерке.

— Это же... форменный грабеж!

— Да нет, — сказал Юрка. — Это в долг...

Старшина побагровел:

— Я тебя к коменданту... Посажу!

Юрка спокойно опорожнил сначала одну ноздрю, потом вторую. Хотел по привычке вытереть нос рукой, но раздумал. Достал из кармана большой платок с дыркой посередине и несколько раз провёл под носом. Аккуратно сложил платок, спрятал в карман.

— Люблю, чтобы всё было по-культурному, — ни к кому не обращаясь, произнёс он. И, бросив презрительный взгляд на Жорку, добавил: — Конечно, сопливым никакой платок не поможет...

Жорка растерянно оглянулся на старшину и несколько раз подряд шмыгнул носом. Но это не помогло: под носом ещё больше заблестело. Платков у Жорки сроду не водилось, а рукавом он вытереть нос не решился. Так и остался сидеть на крыльце с мокрым носом.

— Платком нос вытирает, — сказал Жорка, — а чужую колбасу ворует... Это по-культурному?

— Захлопни свою коробку, — посоветовал Юрка. — С тобой, микроба несчастная,

никто разговаривать не желает. Попадись на речке — утоплю!

— Полегче, Гусь, — сказал старшина. — Мне про твои делишки всё известно... Да ты и сам не скрываешь. Сознался...

— Вы не разоряйтесь, дядя, — перебил его Юрка. — Сказано, продукты я взял в долг...

— До конца войны? — усмехнулся старшина. — На том свете угольками будешь рассчитывать... Хитёр ты, Гусь, да и я не дурак...

— Дурак, — сказал Юрка и, повернувшись к старшине спиной, неторопливо отправился домой.

Вернулся он скоро. Старшина, голый до пояса, стоял у крыльца, а Жорка лил ему из кружки воду на толстую красную шею.

— Эй, дядя! — окликнул Юрка. Старшина фыркнул, как боров, хлопал себя ладонями по жирной груди. На Юрку он даже не посмотрел.

— Вот ваши продукты, — крикнул Юрка и перебросил через забор банку с тушёнкой.

— А это вместо колбасы и хлеба... — И вторая банка, по большому, мягко шлёпнулась в траву.

Жорка бросил кружку в ведро и кинулся подбирать банки.

— Свиная тушёнка, — показывал он старшине. — Не брешет...

— Квиты? — спросил Юрка и, не дожидаясь ответа, ушёл с огорода.

ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

ПОВЕСТЬ

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Я быстро познакомился с ребятами. Они уселись на стулья и на диване. Веньке места не хватило. Пока Лёня ходил на кухню за табуреткой, он удобно устроился на подоконнике и свесил ноги.

— А я сегодня на экскава-

торе работал, — прищёлкнув языком, сказал он.

— Видел, — улыбнулся я.

Все дружно захохотали. Венька выглянул в окно, затем посмотрел на меня и, видимо, тут же прикинув, что я действительно всё мог наблюдать, покраснел.

— Ну ладно, — протянул он. — Не работал, а только за ручки подержался. Но Дмитрий Иванович сказал, что научит меня. Честное слово! Я после уроков по его поручению в магазин за хлебным квасом бегал. Мы с ним теперь друзья.

Венька соскочил с подоконника и забегал по комнате. Он вообще не мог сидеть на одном месте.

Продолжение. Начало смотри „Искорку“ №№ 4 и 5 за 1962 г.

— Так ты, может, и как мы в футбол играли, видел?

Я кивнул.

— Ничего?

— Здорóво!

— А теперь нам играть негде, — с грустью сказал Венька. — Придётся ходить в парк Горького, там футбольное поле есть. Как ты думаешь, разрешат?

— Не знаю, — уклончиво ответил я. — Может, и разрешат.

— Ладно, футболист, — перебила его Тома Яковцева. — Ты сейчас как начнёшь о стадионе, до вечера не кончишь. А Саше ещё заниматься надо. И нам тоже.

Она откинула за плечи коротенькие жёлтые, как солома, косички с белыми бантами и подошла к моей кровати.

— Ты теперь будешь в нашем 7-а, — сказала она и добродушно улыбнулась. — В моём звене. Ты пионер?

— Пионер, — ответил я. — Только галстука у меня нет.

...В пионеры меня приняли в третьем классе. Когда я в растёгнутом пальто, из-под которого выбивался красный галстук, прибежал домой, мама совсем не обрадовалась. Она сказала, что красный цвет неугодный богу, что галстук — это «петля антихриста» и велела мне тут же его снять. А когда я не послушал её, она отлупила меня, забрала галстук и спрятала его в шкаф под замок.

Помню, весь вечер проплакал я от горькой обиды. Я ведь так радовался сегодня

на линейке, что стал пионером! Так спешил домой! А завтра все придут в класс в галстуках, и только у меня галстука не будет.

Ночью, когда мама заснула, я на цыпочках подошёл к её кровати и вытащил из-под подушки ключи. Сердце у меня стучало так сильно, что я просто понять не могу, как она не проснулась от этого стука. Но она не проснулась. Я достал из шкафа галстук и спрятал его между книгами, а ключи положил на место.

С тех пор перед школой я забегал в какой-нибудь подъезд и, оглядываясь, завязывал галстук. А после уроков снимал и снова прятал. В школе никто не догадывался, а мама была довольна, что я её послушался.

Когда меня увезли в больницу, галстук так и остался в портфеле. Он исчез вместе со всеми моими книгами.

...Я не рассказывал это ребятам. Я просто повторил:

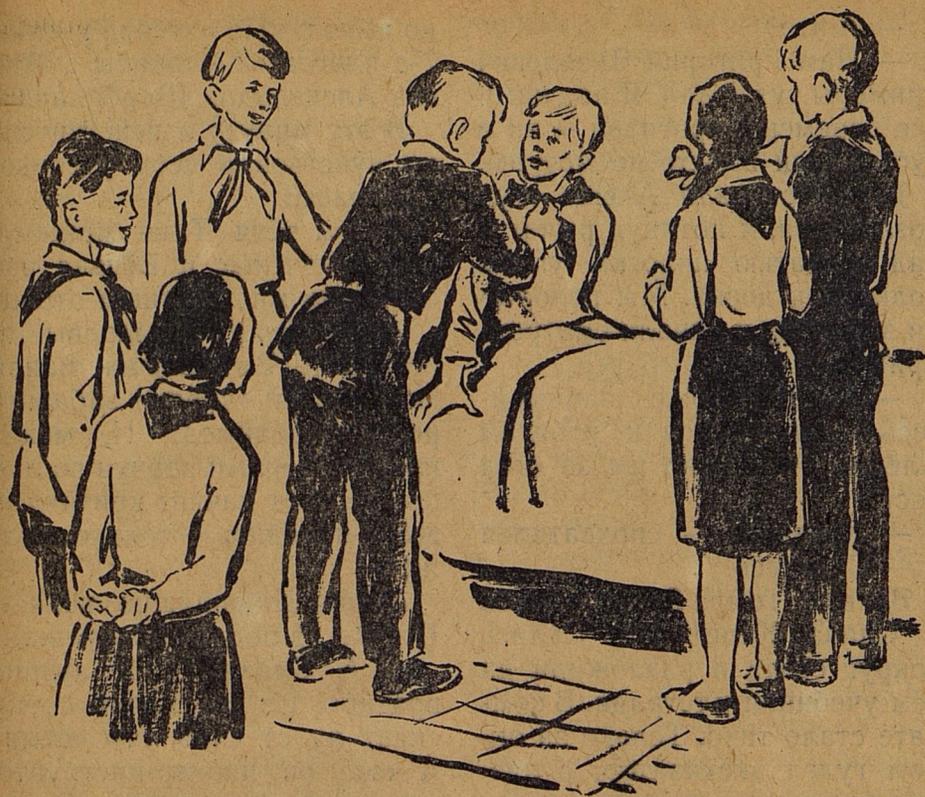
— У меня нет галстука.

— Это не беда, — сказал Венька. Он снял с шеи свой галстук. — Ну-ка, приподнимись.

Я приподнялся и застегнул верхнюю пуговицу рубашки. Венька повязал мне свой галстук.

— А как же я буду пионером вашего звена? — растерянно спросил я, поглаживая галстук. — Я ведь...

— Очень просто, — перебил меня Венька. — Мы сами будем к тебе приходить. И сбор

здесь проведём, и ещё что-нибудь придумаем. Правда, Тома?

— Правда. А потом ты поправишься. И всё будет просто здорово!

В комнату заглянула Татьяна Семёновна. Ребята встали.

— А-а, у тебя гости, — сказала она. — Ну, сидите, я вам сейчас чайку сготовлю.

И вышла.

Венька бегал по комнате, увидел гармошку.

— Играешь? — спросил он.

— Играю немножко.

— Ну-ка, сыграй.

Я сыграл «Картошку», а потом «Барабанщика».

— Здорово! — воскликнул Венька. — Вот, ребята, у нас, наконец, и своя музыка есть.

Хватит 7-6 задаваться. Теперь мы им докажем.

— И чего ты им докажешь? — улыбнулся Алёша Вересов. Он сидел на краешке дивана, сложив на коленях длинные руки, высокий (почти на голову выше Веньки), загорелый, в белой распахнутой рубашке с короткими рукавами. — Всегда тебе, Венька, кому-нибудь что-то доказывать надо. Ты его не слушай, очень уж он у нас беспокойный, — повернулся Алёша ко мне. — Захочешь — будешь играть, доказывать здесь нечего.

Алёша достал из портфеля дневник?

— Слушай, ты в алгебре силен?

Я пожал плечами:

— А что?

— Нам Григорий Яковлевич примеры тут задал. Я над ними все перемены просидел — ни в зуб. Давай вместе посмотрим.

Тома уступила Алёше стул возле меня, я потянул рычаг и над кроватью пологим углом поднялась доска. Мы положили задачник и начали смотреть пример.

— А вы тоже занимайтесь, — повернулся к ребятам Алёша. — Можно им за стол сесть?

— Конечно, — спохватился я. — Садитесь.

Венька, Тома, Генка Козлов и Слава Кирильчик уселись вокруг стола и разложили на нём учебники и тетради. В комнате стало тихо. Только за окном гудел экскаватор, с лязгом вгрызаясь в землю.

Примеры были совсем не сложными. Я быстро набросал решение и заглянул в ответ. Сошлось. Алёша тоже что-то торопливо чиркал карандашом.

— Уже? — шёпотом спросил он, перехватив мой взгляд.

Я протянул ему листок. Смешно наморщив лоб, он просмотрел его и хлопнул себя ладошкой по колену:

— Правильно! А я вот где напутал. Вместо плюса минус поставил. Ну и балда! Ладно, давай переписывать начисто.

Я взял из стопки верхнюю тетрадку и потянулся к Алёшиной:

— Дай-ка твою.

Он подал.

Тогда я взял ручку и на обложке своей тетради аккурат-

но вывел: «По алгебре ученика 7-а класса 82-й школы г. Минска Александра Щербинина».

В эту минуту я действительно чувствовал себя учеником 7-а класса.

Потом тётя Таня принесла чай и печенье, и Венька рассказывал мне о нашем отряде.

— Ребята у нас мировые, ты не думай. Вот Алёша, например, — и он скорчил забавную рожу. — Архимед! И, между прочим, первый ворчун во всей школе. Как начнёт критику на всё наводить — только держись.

Алёша добродушно показал Веньке из-под стола кулак.

— А Слава — наш лучший вратарь. Из ста мячей пропускает ну от силы сто четыре. А ещё он пионер-инструктор по электровыжиганию. Слава, ты Сашку выжигать научишь?

— Научу, — с достоинством ответил смущённый Слава и отодвинул пустую чашку. — Завтра электровыжигатель принесу, фанеру, и научу. Хочешь, присоединяйся к нам.

— Не хочу, — притворно вздохнул Венька. — Я сейчас учусь по проволоке ходить. И ещё — экскаватор. Куда уж мне выжиганием заниматься!..

— Это верно, — засмеялся Слава. — Тут, брат, терпение нужно, а у тебя его кот наплакал.

Ребята ушли только к вечеру. Экскаваторщик уже окончил работу, и машина его стояла в глубокой яме, мирно положив железную пасть на чёрную землю.

— Так ты и не побывал сего-

дня на экскаваторе ещё раз, — сказал я Веньке, глянув в окно.

— Ничего, побываю завтра, — весело тряхнул он огненно-рыжим чубом. — Эта машина от меня не уйдёт.

Ребята долго жали мне руки, а вскоре их шаги уже затихли в подъезде. Приподнявшись, я видел, как они остановились у парадного, а затем разошлись в разные стороны. Венька с Алёшей пошли вместе.

Они ушли, а я снова остался один. Мне ещё нужно было прочесть параграф из истории, но я решил это сделать позже. Я закрыл глаза и представил себе всех, кто у меня был, — Веньку, Генку, Алёшу, Тому, Славу. Я рассадил их на те места, где они сидели, а Веньку устроил на подоконник. Я вспомнил, как боялся этого дня — первого сентября, и улыбнулся. Хороший день, ну просто замечательный день! И мне захотелось поблагодарить Лёньку, который отпросился с работы и всё это так здорово придумал. Но его не было дома. Тётя Таня сказала, что он ушёл отрабатывать в ночную смену.

Пришла мама. С порога она внимательно посмотрела на меня и, кивнув на галстук, сказала:

— Это ещё что такое?

— Галстук, — ответил я. — Видишь ли, у меня праздник. — Я улыбнулся и погладил галстук. — Сегодня первое сентября. И я стал пионером первого звена и учеником 7-а

класса. И ты только не прося — я галстук всё равно не сниму. Никогда!

Мама швырнула на диван сумку и вышла в кухню. А я гладил струящийся шёлк Венькиного, вернее, теперь уже моего, галстука, и на душе у меня было легко и спокойно.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Из медицинского института позвонили маме на фабрику и сказали, что вернулся профессор Сокольский. Он приедет к нам завтра в пять — в институт меня везти не надо.

Назавтра мама не пошла на работу, её отпустили. Она помыла пол, постелила свежую скатерть и салфеточки, и наша комната просто заблестела.

День тянулся медленно, как будто остановилось время. Я даже не мог распахнуть окно — по нему хлестал дождь. Это был осенний дождь, холодный и крупный, и я думал, что тополию сейчас, наверно, очень зябко и неудобно. Вон даже жёлтые листочки на нём появились. Раз, два, три, четыре... Пока ещё немного. Но с каждым днём их будет всё больше и больше, и однажды я проснусь, и тополь постучит мне в окно чёрными скрюченными пальцами. И я не смогу погладить их.

А в котловане по-прежнему шла работа. Экскаватор аккуратно укладывал в кузов самосвалов горы земли, и они, натужно урча моторами, медленно выбирались из ямы по скользкой и липкой каше. Вре-

мя от времени какая-нибудь машина застревала. И тогда шофёры выскакивали под дождь и вытаскивали её на буксире. И мокрые, грязные забирались снова в кабины.

На душе у меня было неспокойно. У мамы — тоже. Она сидела на диване и молча смотрела на меня.

О чём она думала? Конечно, о том же, о чем и я. Что вот придет сейчас профессор, осмотрит меня, выслушает и молча покачает головой. И тогда уже не останется никаких надежд на то, что я когда-нибудь встану на ноги. И буду играть в футбол. И ходить с ребятами в походы. И купаться в прохладной реке. И мама всегда будет поправлять мне простыни и подавать еду. И может быть, в глубине души она будет жалеть о том, что когда-то сразу же не вызвала ко мне врача, а только молилась, молилась... Впрочем, я уверен, что она и теперь жалеет об этом.

А может, он скажет совсем другое — этот профессор, который спасал детей за границей. Какой он? Наверно, старый и лысый. Профессора все старые и лысые. А ещё бывают старые и седые. И носят очки с золотыми дужками. А когда они их снимают, на переносице остается выдавленное колечко. А пальцы у них длинные и холодные. Прикоснётся, и тут же вздрагиваешь. словно током дернет.

Да-а... А дождь всё идёт и идёт. На чёрном блестящем тротуаре подпрыгивают высо-

кие фонтанчики. И самосвалы совсем выбиваются из сил. Мне их так жалко, что, кажется, если бы я мог, выбежал бы сейчас и подталкивал их плечом. А экскаватор — ничего, ползает на своих гусеницах, чихать ему на этот дождь.

А вдруг профессор не придет? Станет он тащиться в такую погоду? Даже если в машине, и то, пока вбежишь в подъезд, вымокнуть успеешь. Больно ему это надо.

Раздался резкий звонок. Я вздрагиваю и смотрю на часы. Еще только два, это не профессор. Но кто же?

В комнату входит Венька. Он останавливается у порога и тут же к его ногам натекает лужица. На нём нет ни одной сухой нитки. Рыжие волосы слепились и шапкой надвинулись на глаза, они кажутся черными.

— Тётя Нюра, дайте, пожалуйста, тряпку, я подотру, — жалобно сморщив нос, говорит он и звонко чихает. — Здравствуйте!

Мама подбежала к Веньке и начала стаскивать с него мокрую рубаху.

— И как это ты в такой день решил, — сердито ворчит она. — Так ведь и воспаление лёгких схлопотать недолго.

Она уже знакома с Венькой и считает его шалопутом и сорвиголовой. Она вообще недолюбливает моих товарищей. Но видно подействовала угроза дяди Егора — она их не выгоняет. Просто старается не замечать.

— Ничего, — улыбается Вень-

ка, а зубы у него мелко постукивают от холода. — Я здоровый. — И он гулко хлопает себя по груди. — А прийти мне надо было обязательно. Сегодня по алгебре новый материал объясняли, вот мы с Сашкой и разберёмся.

И он лукаво подмигивает мне.

— А то завтра не смогли бы разобраться, — уже совсем несердито говорит мама и достаёт из шкафа мою рубашку и штаны. — Иди-ка, друг ситный, передеваться. А здесь я сама подотру, — роняет она, видя с каким огорчением глядит Венька на огромную чёрную лужу, которая растеклась по чисто вымытому полу.

Через несколько минут Венька возвращается. Моя рубашка ему великовата, и я вижу, что у нашего председателя совсем не такие широкие, как мне казалось, плечи и тонкая шея. А на ней быстро бьется синяя жилка.

Мама уходит на кухню, чтобы разложить на батарее Венькину одежду, а я, кивнув на окно, говорю ему:

— Слушай, а на самом деле надо было переждать дождь.

— Ха, — отвечает Венька. — А если он будет идти до самой ночи?

— Ну и что же? Не пришёл бы, да и всё.

Улыбка исчезает с Венькиного лица.

— Как это «не пришёл бы»? — недоуменно говорит он. — Но я ведь сказал, что буду у тебя. К тому же ребятам

идти куда дальше — мы с тобой почти соседи.

— Подумаешь, — возражаю я. — «Сказал...» А если бы сейчас не дождь, а метель была? И мороз градусов сорок?

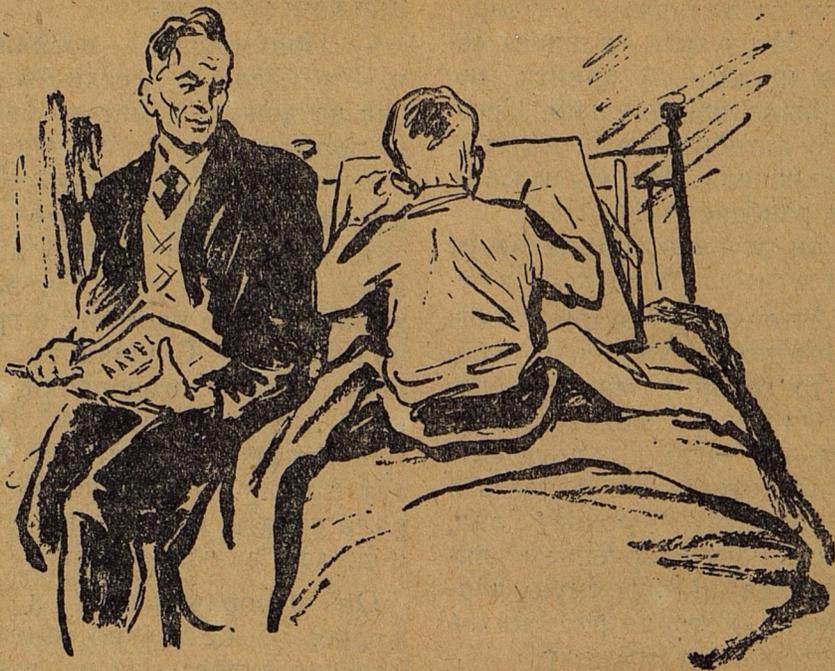
— А какая разница? — удивляется Венька. — Я же сказал... — И вдруг у него начинают краснеть уши. Он засовывает руки в карманы и грозно говорит: — Слушай, ты... Ты брось эти разговорчики, понял? А то вот как дам! Тоже мне профессор нашёлся! Хватит с меня Лёшки, чтобы мораль читать. И запомни — раз я сказал, значит — всё!

Он поворачивается к этажерке. Я беззвучно смеюсь. Сегодня впервые за последние годы кто-то всерьёз обиделся на меня и пригрозил мне! И этот кто-то — Венька. Здорово всё-таки! Значит, он ходит сюда не потому, что просто жалеет меня или выполняет общественное поручение. Иногда ведь бывает — надо, чтобы в отряде были тимуровцы, вот и ходят. Но в таких случаях драться не лезут и в проливной дождь сидят дома. Значит, он друг, настоящий друг!

— Ладно, — примирительно говорю я, а всё во мне дрожит от возбуждения. — Давай свою алгебру.

И целый час добросовестно вколачиваю себе в голову все эти страшно непонятные «а + в», а Венька сидит рядом со мной и довольно улыбается.

— Вот, понимаешь, дела! И до меня дошло. Завтра, как пить дать, пятерку получу. Ну

и удивится Григорий Яковлевич!

Растолковав мне алгебру и записав остальные уроки, Венька переодевается в подсохшую одежду и уходит. Дождь ещё не окончился, и мы с мамой уговариваем его посидеть, но он страшно занят. В четыре — секция бокса, пропускать занятия нельзя, выгонят.

И вот его уже нет. Только просохший чуб полыхнул жарким пламенем у подъезда, но тут же косые потоки дождя погасили его.

— Сумасшедший, — качает головой мама и набрасывает на плечи тёплый платок. — И куда только его родители смотрят?

Я молчу. Я начинаю понимать, почему ребята выбрали

Веньку председателем совета отряда.

Гулко и размеренно начали бить на стене часы. Я сосчитал удары. Пять. В эту же минуту у подъезда, завизжав тормозами на мокром асфальте, остановилась машина. Я глянул в окно. Из старой каштановой «Победы» вышел человек в плаще и шляпе. В руках он держал маленький чемоданчик. Человек быстро пересек тротуар и зашёл в подъезд.

Раздался звонок, и мама бросилась к двери. А вскоре профессор Сокольский уже ходил по нашей комнате и смотрел на меня большими, чуть навывкате, серыми глазами.

Он был совсем не таким, каким я его себе представлял. Вот разве только руки были похожими — большие, с длин-

ными гибкими пальцами, пересечёнными глубокими морщинами. Когда он положил их мне на плечи, я вздрогнул: даже через рубашку я почувствовал, какие они холодные. Фёдор Савельевич тут же снял руки с моих плеч и начал потирать их.

Я ещё никогда не видел таких молодых профессоров. Было ему лет тридцать пять, ну от силы сорок; выглядел он куда моложе дяди Егора. Над правой бровью у него вился широкий шрам. Он пересекал высокий лоб и терялся в густых пепельно-серых волосах; наверно, когда-то они были чёрными. Лицо у профессора было строгим и озабоченным, а губы — толстыми и добродушными. И когда он читал историю моей болезни, он шевелил ими точь-в-точь, как Алёша Вересов, когда мы решали задачу по алгебре. Никаких очков Фёдор Савельевич не носил, с такими глазами, как у него, они, наверно, были ни к чему.

Наконец Сокольский отложил папку с моими бумагами. «Сейчас будет задавать вопросы, а потом — осматривать», — подумал я. Но вместо этого он подошёл к окну, побарабанил по стеклу, по которому стекали струйки дождя, и ни с того, ни с сего сказал:

— А там, где я был, Саша, сейчас утро. И, наверно, тоже идёт дождь. И в лёгких домиках рабочих холодно. Так-то, друг.

И он почему-то вздохнул:

— У тебя как с учёбой? Сам дома занимаешься?

Он взял с тумбочки раскрытую алгебру и начал рассеянно листать её.

— Почему — сам? — ответил я. — У меня друзей много. Весь 7-а. Вот даже сегодня. Венька приходил. Он мне алгебру объяснил.

— А он кто такой? — заинтересовался Фёдор Савельевич.

— Это Венька-то? Председатель совета отряда. И капитан футбольной команды. Вот как-то здесь, на пустыре, игра была — я из окна видел — так он сам штук пятнадцать голов забил, — похвастался я за Веньку.

— Неужели пятнадцать?.. — удивился профессор.

— Правда, правда, — заверил я его. — А Алёшка только три.

— А с каким же счётом окончилась игра?

— 19:13 в нашу пользу.

— В вашу, говоришь? — громко засмеялся Сокольский. — Это хорошо, что в вашу.

— Хорошо, — вздохнул я и спросил: — Фёдор Савельевич, а за границей вы много детей вылечили?

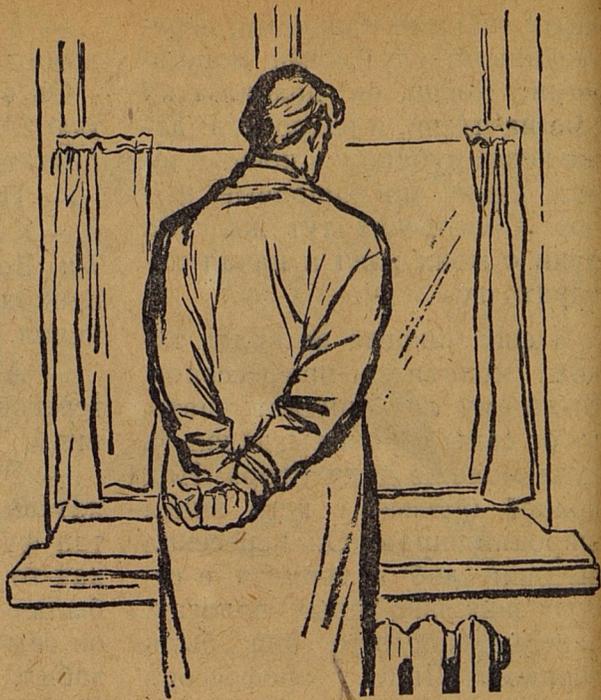
— Много, Саша, очень много, — глухо сказал профессор. — Много... — Он сжал кулаки и быстро прошёл по комнате.

— Но теперь мы уже научились спасать всех детей. Абсолютно всех! И не только спасать — мы вообще уничтожаем эту страшную болезнь. Пони-

маешь? Уничтожаем навсегда. Вот так. А сейчас мы начнём воевать за тебя. Все вместе. И я, и твой Венька, который по пятнадцать голов забивает, и эта алгебра, и дядя Егор, что смастерил тебе такую хитрую доску. Только воевать нам придётся долго, я тебе это сразу говорю, и ты должен набраться мужества. Обыкновенного человеческого мужества. Ну а там я, конечно, не обещаю, что через несколько лет ты станешь чемпионом по бегу или капитаном футбольной команды. К сожалению, пока это не в наших силах. Ты заболел в позднем возрасте, и первый период болезни был упущен. Да и вообще протекает она у тебя тяжело. Но всё-таки мы её победим. Победим? — обернулся он ко мне.

— Победим, — хрипло ответил я. — Обязательно победим!

Он крупно зашагал по комнате, большой и сильный, а мама сидела, забившись в угол дивана, и с надеждой смотрела на него, а слёзы одна за другой быстро скатывались по её щекам. И тётя Таня, которая с ней раньше почти не разговаривала, а сейчас неизвестно когда зашла в нашу комнату, молча гладила её по руке.

Осмотр был недолгим и совсем не утомительным — не то, что в больнице. Фёдор Савельевич выписал целую кучу лекарств и сказал, что дважды в неделю мне надо будет ездить в институт. Там мои ноги будут лечить новыми препаратами. В эти дни за мной будут присылать его машину.

— Но я хочу, чтобы ты запомнил, что лекарства, массаж, лечебная физкультура — это не самое главное. Самое главное — чтобы тебе очень хотелось поправиться, победить свою болезнь. Понимаешь? Очень хотелось! А по-моему, это так и есть.

Он ласково потрепал меня по плечу. Рука у него была совсем не холодной, а тёплой и мягкой. И откуда это я взял, что она холодная?

(Продолжение следует)

Морской бой

Игра

(Составил В. Акентьев)

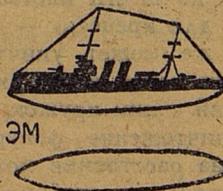
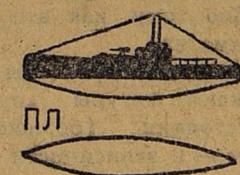
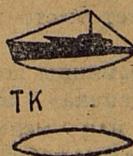
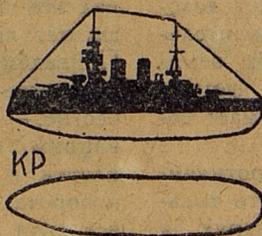
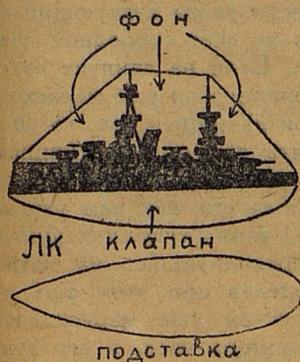

Сегодня мы расскажем, как сделать интересную морскую игру.

Перерисуйте карту со страницы 60-й, увеличив её в шесть-восемь раз, и наклейте на картон или фанеру. Раскрасьте по своему вкусу. Советуем взять для карты голубую или синюю бумагу, а сетку — кружки и линии — сделать белой гуашью, пользуясь при этом рейсфедером и циркулем. Зачернённые кружки покрасьте красной гуашью — это пункты, находящиеся «под огнем» береговых батарей. Флажки должны быть тех же цветов, какие вы выберёте для кораблей («синие» и «красные», «жёлтые» и «синие» и т. п.).

С помощью кальки перенесите на плотную бумагу силуэты кораблей. Для каждой фигуры нужно сделать два силуэта: на одном нос корабля обращён направо, на другом — налево. Вырежьте силуэты вместе с фоном и клапанами, клапаны отогните и склейте оба рисунка: силуэтами кнаружи. Отогнутые клапаны приклейте к картонной подставке. Фон окрасьте в те же цвета, которыми вы окрасили флаги на карте.

На нашем рисунке нумерация игровых полей (кружков) вынесена на поля (цифры и буквы). Вам же лучше соответствующее обозначение

вписать внутрь каждого кружка (а1, б2 и т. д.).

ПРАВИЛА ИГРЫ

В игре участвуют двенадцать фигур с каждой стороны: 1 линкор, 2 крейсера, 5 эсминцев, 3 торпедных катера, 1 подводная лодка.

Перед началом игры каждый размещает свои корабли на ближайшей к берегу линии в таком порядке (слева направо): эсминцы (ЭМ), подводная лодка (ПЛ), линкор (ЛК), крейсера (КР), катера (ТК).

Чтобы выиграть, нужно уничтожить все фигуры (корабли) «противника» или его базу.

Право первого хода разыгрывается так же, как в шахматах: разыгрывается право играть белыми.

ДВИЖЕНИЕ КОРАБЛЕЙ

Корабли передвигаются по прямым линиям сетки, останавливаясь на кружках. За один ход корабль можно передвинуть на любое количество клеток, но не более чем «скорость хода» корабля этого класса

(линкор — 3, крейсер — 5, эсминец и торпедный катер — 6, подводная лодка — 2 (в наводном положении) или 1 (в подводном)).

В любой момент своего движения корабль может сделать поворот (на 90 или 180 градусов — безразлично) за счет передвижения на одну клетку по прямой. Так, например, линкор может передвинуться на три клетки в одном направлении, или на две, если сделает при этом поворот, или только на одну клетку, если сделает два поворота.

Торпедные катера и подводные лодки могут делать повороты без ущерба для движения по прямым. Так, торпедный катер за один ход может передвинуться по прямым на 6 клеток, сделав при этом любое количество поворотов.

Получив право хода, играющий может передвинуть любое количество кораблей одного класса, действуя каждым из них независимо (т. е. пойти всеми эсминцами, или всеми крейсерами, или всеми катерами одновременно), а кроме того — сделать ход линкором и подводной лодкой.

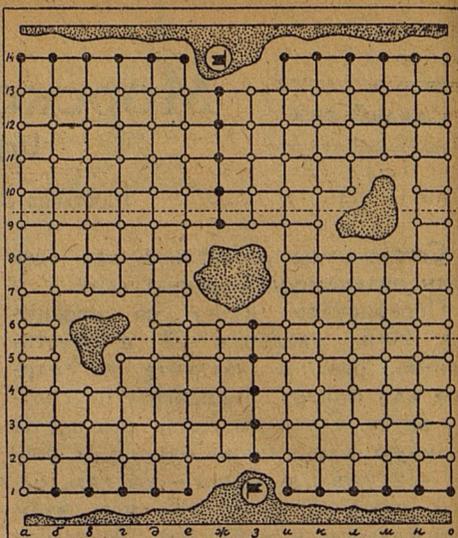
Можно отказаться от хода — не делать никаких передвижений своих кораблей.

СНЯТИЕ ФИГУР „ПРОТИВНИКА“

Торпедным катерам и подводным лодкам, чтобы уничтожить фигуру «противника», достаточно стать на кружок, занятый этой фигурой (по добно тому, как это имеет место в шахматах).

Линкоры, крейсера и эсминцы поражают фигуры «противника» на расстоянии (большем или меньшем — в зависимости от «дальности» атакующего корабля). Для линкора это расстояние может доходить до шести клеток (включительно), для крейсера — до трёх, эсминец же может уничтожить фигуру только тогда, когда она занимает соседний с ним кружок.

Уничтожение фигуры «противника» на расстоянии может быть только при определённых условиях, а именно — атакующий корабль (лин-

кор, крейсер или эсминец) должен:

1) занять по отношению к атакующей фигуре «угрожающую позицию»; 2) произвести «залп».

«Угрожающая позиция» — такое взаимное положение кораблей, когда атакующий находится на одной линии с атакуемым, а расстояние между ними не превышает «дальности» атакующего (см. выше) атакующего. При этом атакующий может быть повернут к атакуемому либо носом, либо бортом, положение же атакуемого безразлично, за исключением случаев, когда атакуемый мощнее атакующего: более мощного противника можно атаковать только в борт или в корму (а если атакуемый — линкор, то только в корму). Самый мощный корабль — линкор, за ним следует крейсер, далее — эсминец.

«Произвести залп» атакующий может только за счёт свободной «единицы хода». Если на занятие «угрожающей позиции» он уже израсходовал все свои единицы хода, то он не сможет снять фигуру «противника». Приведём пример. Если эсминец (скорость хода его, как вам уже известно, — 6) занял «угрожающую позицию», передвинувшись на четыре клетки и сделав при этом ещё два поворота, то он уже израсходовал все свои единицы хода, и его атака будет безрезультатной: ход перейдёт

к «противнику», и тот сможет увести фигуру из-под удара или даже контратаковать. Если корабль занял позицию, с которой угрожает сразу нескольким фигурам «противника», то он сможет снять столько из них, сколько у него осталось неизрасходованных единиц хода.

Корабли не могут нанести один другому урона, если между ними земля (остров) или другие корабли.

Линкор, крейсер и эсминец не могут встать на кружок, занятый «противником», не уничтожив его предварительно с помощью «залпа».

ДЕЙСТВИЯ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК

Подводные лодки могут перемещаться не только по линиям, проведенным на карте, но и по диагоналям, которые на карте не проведены.

Они могут идти «надводным ходом», как любой другой корабль, со скоростью хода 2, или «под водой», скрытно от «противника» (скорость хода при этом равна 1). Если подводная лодка передвигается «под водой», играющий не перемещает её на карте, но записывает у себя кружки, которые она последовательно занимает. Таких «скрытых» ходов можно сделать не более четырёх подряд, на пятый ход играющий должен поставить лодку на тот кружок, которого она достигла (лодка «всплыла»).

Подводная лодка снимает фигуру «противника», встав на её место.

Сама лодка может быть уничтожена только тогда, когда её положение точно известно «противнику», иначе говоря, атаковать можно только «всплывшую» подводную лодку.

ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ „БАЗЫ“

Местоположение базы флота обозначено на карте кружком с флагом. «Уничтожение» базы равносильно

выигрышу партии, независимо от того, сколько при этом у противника осталось кораблей.

Чтобы «подавить» базу, нужно нанести ей 30 «единиц поражения». Залп линкора наносит 6 «единиц поражения», крейсера — 3, эсминеца — 1. Действия против базы подобны действиям против кораблей «противника»: занимается «угрожающая позиция» на одной прямой с базой, на общем (по суше плюс по морю) расстоянии, не превышающем дальности атаки атакующего, и производятся «залпы» — столько, сколько осталось у атакующего неизрасходованных единиц хода.

Зачернённые кружки сетки находятся под огнем береговых батарей, корабли «противника» могут по ним проходить, но не должны на них оставаться, в противном случае они будут считаться уничтоженными и снимаются с доски.

МИНИРОВАНИЕ

Перед началом игры каждый играющий в пределах своих территориальных вод (до пунктирной линии) выбирает два кружка и записывает их у себя, — это будут «минные поля». Всякий корабль противника (кроме подводной лодки, идущей «под водой»), вступивший на «минное поле», снимается с карты, «поле» же тоже считается уничтоженным.

* * *

Рекомендуем первые партии играть без подводных лодок — до тех пор, пока не усвоите совершенно чётко все правила игры и не будете уверенно действовать надводными кораблями.

Напишите, сделали ли вы эту игру и достаточно ли ясно изложены правила игры.

Первые три наших читателя, сделавшие игру, получают от капитана Мореходова комплекты кораблей из металла.

Натуралисты, в поход!

★
ВЫ ЛЮБИТЕ путешествия, открытия, поиски неизвестного! Наверное любите. Но, может быть, вы думаете, что за ними нужно куда-то далеко ехать, плыть по океанам лететь в самолётах! Ничего подобного. интересного, загадочного, удивительного и вокруг нас сколько угодно.

Приглядитесь повнимательнее к любому дереву, к кусту, к цветку, к огородной грядке — всюду кипит жизнь. Сотни, тысячи различных насекомых обитают на их листьях, коре, подкапываются под корни, буравят плоды. Кто они: враги или друзья! Как они живут: как строят свои дома, когда выходят на охоту за пищей, чем питаются, как заботятся о потомстве! Разве всё это не интересно узнать!

Вот и давайте отправимся в путешествие. Перед нами — огромный мир насекомых.

★

БОЖЬЯ КОРОВКА

НУ КТО не знает «божью коровку»! Летом всегда много этих небольших кругленьких жучков в ярко-красных платьицах с чёрными крапинками. Но почему они так называются? Что у неё общего с коровкой?

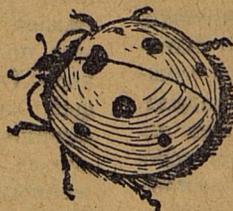
Попробуйте чуть-чуть сдавить коровку пальцами — сразу ваши пальцы окажутся испачканными желтоватой жидкостью. Её коровка выделяет в целях самозащиты. В народе называли эту жидкость «молочком». А отсюда и — «коровка».

Большинство птиц не любит этого жучка. Те, которые с коровкой ещё не знакомы, клонут её — молочко попадёт птице в рот — невкусно!.. Сидит потом птица и долго чистит свой клюв. В следующий раз она уже не захочет пробовать этого жука. Неприятный вкус молочка и приметная окраска и спасают коровку от

большинства её врагов.

В народе же любят этого жучка. За что?

Божья коровка — хищник. И к тому же очень прожорливый хищник. Её еда — тля. А тлей, как известно,

великое множество. На чём только их нет: на яблоне, на шиповнике, на капусте!.. Проколов своим хоботком кожу растения, тля сосёт из него сок и может вконец погубить. Но плохо приходится тлям, когда в защиту растений встает божья коровка. Убедить тлю не могут: ноги у них слабые и ползать они почти не умеют. Коровка и ест их одну за другой. За день съедает по сотне, а

то и более. Вот видите: и хищники бывают полезными!

ГДЕ У БАБОЧКИ ОРГАНЫ ВКУСА?

ЛЕТОМ, особенно во второй половине июля и в начале августа, у нас появляется множество бабочек. Есть среди них траурница — самая крупная из всех дневных бабочек. Она чёрно-вишнёвого цвета с широкой кремовой каймой. Okоло каймы ряд маленьких синих пятнышек.

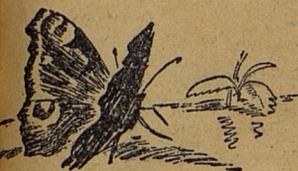
На цветах траурницу увидишь редко. Зато около берёзы, если из неё течёт сок, — траурницы тут как тут! Сок для этой бабочки — любимое лакомство.

Стоит траурнице почувствовать близость сока, как её хоботок, ранее свернутый спиралью, тотчас развёртывается. При помощи этого хоботка бабочка сосёт сладкий сок цветов, деревьев, опавших спелых плодов.

Но как она отличает сок от воды? Правда, сок, вытекающий из берёзы или дуба, сильно пахнет; но если мы подсластим простую воду, бабочка безошибочно отличит её, будет пить. Не подсластим — она даже не станет разворачивать своего хоботка. Усиками бабочка тоже воду не трогала, голову к воде не опускала. Как же она тогда отличила воду сладкую от несладкой?

Оказывается, вкусо-

вые органы бабочки находятся совсем в неожиданном месте. У траурницы они расположены... на лапках! На лапках средних и задних. Садясь около сока или сладкой воды, траурница дотрагивается до них лапками и так определяет их вкус.

Конечно, не у всех бабочек лапки принимают участие в узнавании еды и питья. Вот, например, бабочки-перламутровки кормятся чаще всего на цветах. Там-то уж еду лапкой не попробуешь: нектар спрятан в глубине венчика.

ПОЧЕМУ БЫВАЮТ ДЫРЯВЫЕ ОРЕХИ?

В НАЧАЛЕ лета в наших лесах появляется небольшая жуличка, одетый в пятнистый рыжеватый войлок. У него очень цепкие лапки, и жучок словно прилипает ко всему, к чему только притронется. Но что у него самое интересное — так это нос! Он у него длинный — предлинный! Чуть короче туловища. Жучок, видно, очень гордится таким носом, так как держит его все-

гда направленным вперёд, словно копьё!

Но если его рассмотреть поближе, то окажется, что это вовсе и не нос, а хоботок. На самом кончике хоботка — рот, с крохотными, но крепкими челюстями.

Называются эти жучки соответственно: слониками, или долгоносиками. Их очень много. Только в нашей стране разных долгоносиков насчитывается около трёх тысяч видов.

Называют этих жучков ещё и орехоедами. И вот почему.

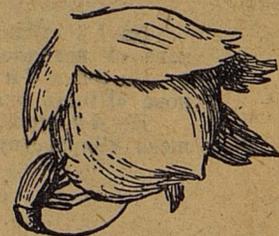
Когда наступает время обзаводиться потомством, самки долгоносиков откладывают свои личинки в лесные орехи. Скорлупа у ореха крепкая, внутри — целый склад вкусной еды: лучшей колыбельки для своего дитяти и не придумаешь!

Вот только входа в эту квартиру нет!

Ползёт жук по ореху, трогает кончиком хоботка скорлупу — прощупывает, выбирает. Наконец выбрал. Вот тут-то и нужны крепкие челюсти на кончике хоботка. Жук приподнялся на ножках, а голову пригнул — челюсти коснулись скорлупы. Теперь передние его ноги почти висят в воздухе, средние едва цепляются за орех. Только бы не сорваться! Тогда смерть. Хоботок упруг, как пружина, сорвёшь-

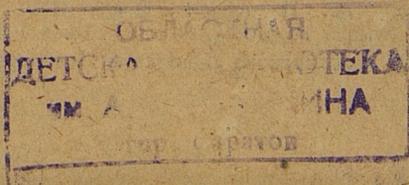
ся — из скорлупы хоботок не выдернуть, лапками обратно до скорлупы тоже не дотянуть-ся. Уже целый час трудится жучок. На скорлупе появилась ямка. Через два часа она стала глубже. Наконец превратилась в дырочку — дверь готова! Вытащит жучиха хоботок и опустит в орех яйцо. Будущий жилец въехал в свой дом.

Постепенно из яйца выводится личинка. Она живёт, окружённая пищей — только успевай открывать рот, а пища сама в него пролетит. Но вот через месяц личинка становится взрослой, ищет выход из своего жилища, а выхода нет, в ту крошечную дверцу ей не протиснуться. Рассердится

личинка — начинает грызть скорлупу изнутри. Так в орехе появляется дырочка: дверь, через которую вылез ореховый жилец.

Бывают жуки и желудееды — двоюродные братья орехоедов. Жизнь их мало чем отличается, и сами жуки похожи один на другого. Только желудеед поменьше.

СОДЕРЖАНИЕ

Уходит поезд в лето! Стихотворение Г. Тумаринсона	1
Валёк встречается с морем. Очерк А. Воронкова	2
Хороший день. Стихотворение А. Шибаева	9
Ручей. Стихотворение Н. Егорова	9
Как строили дом. Рассказ М. Данини	10
Пионерское лето, Если толком разобраться, Костёр, Про Степана и сметану — стихи и переводы С. Когана	16
Пионерская семья. Песня А. Черногорова на слова Д. Дубинина :	18
Это будет сюрприз. Рассказ С. Вольфа	20
Творчество юных	25
Наследник Матвея Доробы. Очерк А. Павлова	27
На Ладоге. Стихотворение Н. Новосёлова	34
Гость с аэродрома. Отрывок из повести В. Козлова	36
Очень хочется жить. Продолжение повести М. Герчика	49
Морской бой. Игра В. Акентьева	59
Натуралисты, в поход!	62

На 1-й странице обложки — рисунок художника Ю. Шаба-
нова «У походного костра».

На 2-й и 3-й страницах обложки — фоторепортаж Г. Сафо-
нова «Шесть километров плёнки».

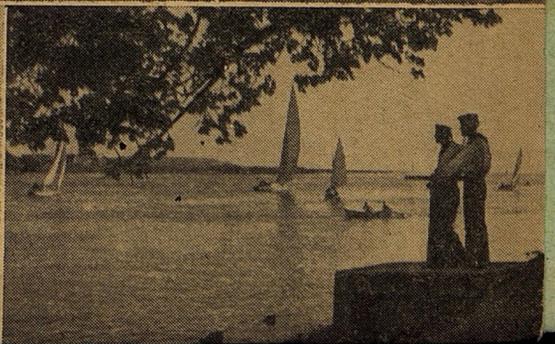
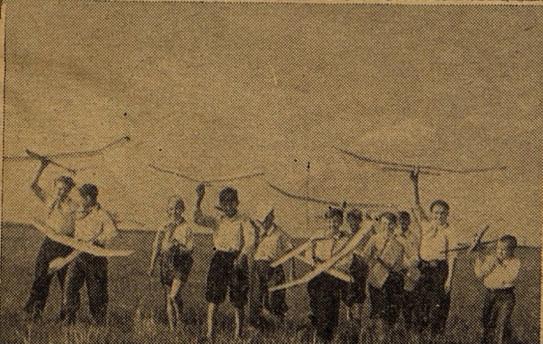
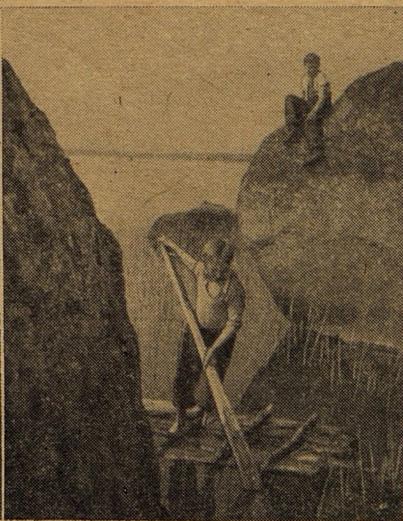
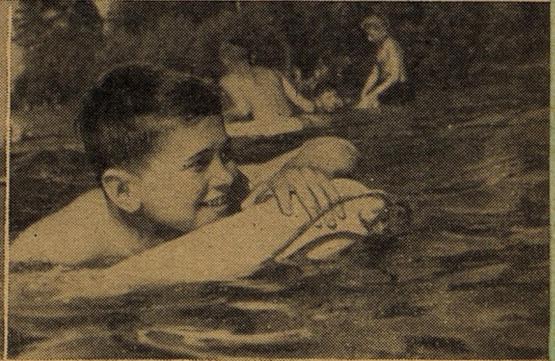
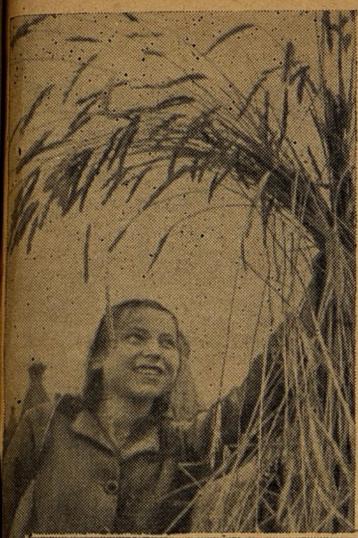
На 4-й странице обложки — рисунок художника К. Бекта-
шева «Здравствуй, лето!»

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, центр., Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1)
Тел. А 4-54-90

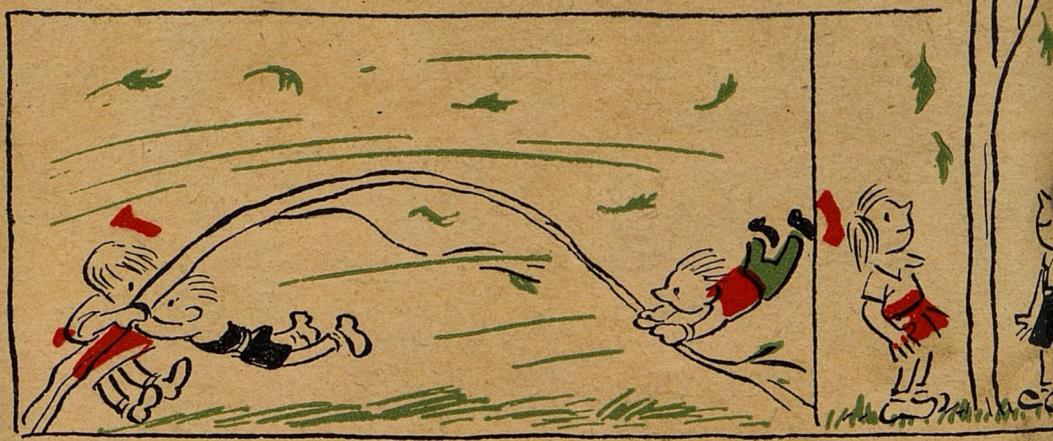
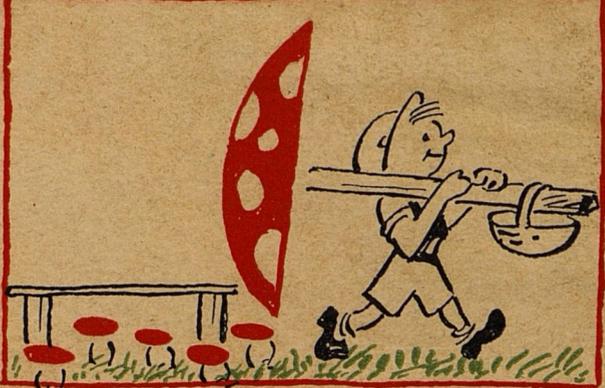
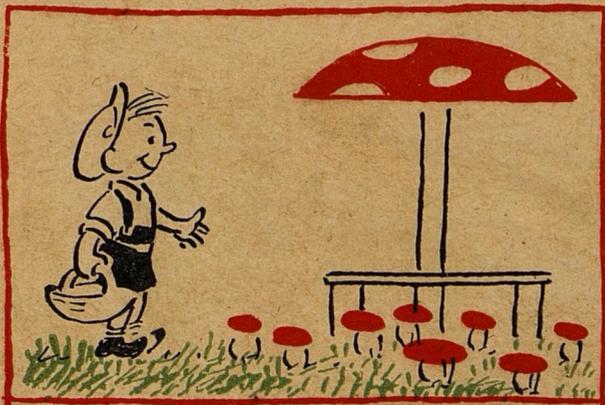
Сдано в набор 14/V 1962 г. Подписано к печати 19/VI Зак. № 790. 4 печ. л.
М-5651 8 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Цена 10 коп.

ЗДРАВСТВУЙ,
ЛЕТО!

Сильный ветер.

Ветер стих.

